

ГЛАВА 1. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, ИТОГИ И ТЕНДЕНЦИИ 90-Х

1.1 СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДИЕ: НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД

Среди магистральных перемен XX в., глубочайшим образом трансформировавших все человеческое мироустройство на нашей планете, одно из центральных мест принадлежит демографическим переменам. Они затронули едва ли не самые глубинные слои социальной жизни, привели к небывалому повышению эффективности извечного процесса размножения человеческого рода, а тем самым к огромному высвобождению времени и энергии человека, которые теперь могут быть направлены на решение других стоящих перед обществом задач — экономических, социальных, культурных.

Совокупность этих перемен получила название «демографической революции», или — чаще употребляемое выражение — «демографического перехода». Суть этого «перехода» проста. Современное общество, решая свои экономические и социальные задачи, впервые в истории получает возможность поставить под контроль главные причины смерти, что приводит к резкому сокращению смертности. Такое сокращение нарушает существовавшее тысячелетиями равновесие смертности и рождаемости, восстановление этого равновесия невозможно без соответствующего снижения рождаемости. Демографический переход — это и есть переход от прежнего равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию, когда и то, и другое находится на низком уровне. Новый баланс рождаемости и смертности исключительно выгоден и для человека, и для общества, но он не дается сам собой. В реальности демографический переход всегда встроен в общий поток модернизационных перемен, и описанная выше схема реализуется не автоматически, а в тесной связи с тем, как идут эти общие перемены.

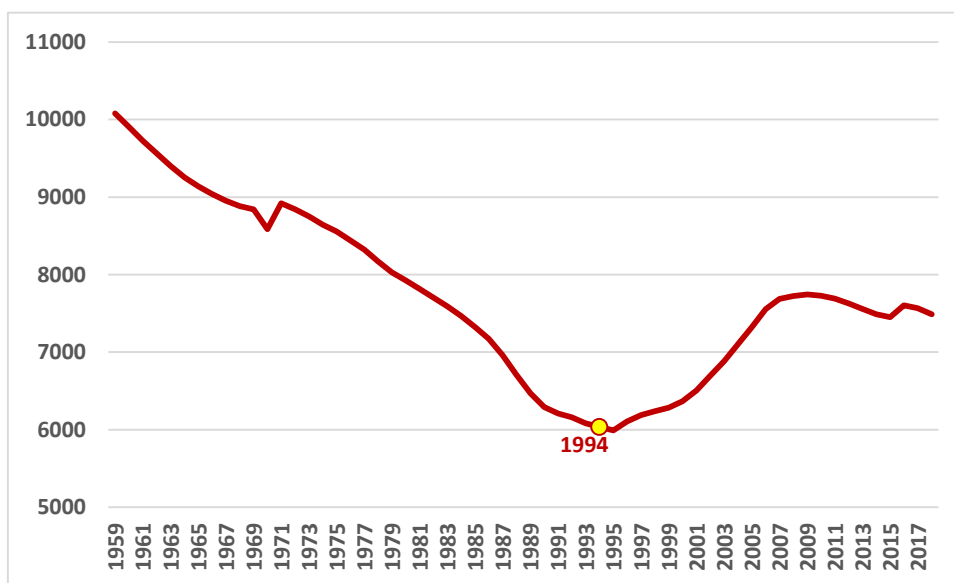
Россия вступила на путь демографического перехода намного позднее большинства европейских стран, практически уже в советское время. Не удивительно, что исторические особенности советского периода российской истории наложили глубокий отпечаток и на обусловленные этим переходом демографические перемены, и на результаты этих перемен, достигнутые к началу 1990-х годов. Нельзя судить о демографическом развитии России в последнем десятилетии XX в., не принимая во внимание того, как обстояло дело в стартовой точке, т.е. в начале этого десятилетия.

Социально-экономический кризис 90-х годов не мог не сказаться на демографической ситуации в стране, все главные демографические процессы: смертность, рождаемость и миграция — в 90-е годы испытали влияние этого кризиса. Однако, оценивая кризисную составляющую демографических тенденций этого времени, следует иметь в виду, что Россия была далека от демографического благополучия и до начала 90-х. Есть немало оснований для того, чтобы видеть в изменениях смертности, рождаемости и миграции последнего десятилетия XX в. не проявление самостоятельного кризиса, а лишь обострение кризисных тенденций, нараставших, по меньшей мере, с 1960-х годов. Но кроме того, это обострение в ряде случаев знаменовало появление новых тенденций

демографического развития, которые давно назревали, но реализовались лишь в 90-е годы, в свойственной этому десятилетию обстановке перемен.

Широко распространенное в массовом сознании и даже среди части научного сообщества представление о 90-х годах, как о периоде небывалой демографической катастрофы в России в целом неверно. Если не говорить о политической ангажированности подобных алармистских оценок, а ограничиться только их методологической несостоятельностью, то главное как раз и заключается в том, что показатели первого постсоветского десятилетия вырываются из долговременного контекста, а потому и интерпретируются совершенно ошибочно.

В качестве иллюстрации такой методологической несостоятельности можно привести выводы международного исследования, выполненного под эгидой Программы развития ООН (ПРООН), основанные на подсчете количества «недостающего мужского населения», которое авторы исследования оценили для России 1994 г. в 5869 тыс. человек. Свою оценку они рассматривают как «одно из свидетельств воздействия на мужское население шоковых ситуаций переходного периода»¹. Авторам исследования не пришло в голову сделать такую оценку за другие годы, но если ее сделать, применив рекомендуемую ими формулу расчета, то результаты оказываются анекдотическими. Подсчитанная авторами исследования численность «недостающего мужского населения», которую они трактуют как плату за переход к рыночной экономике, оказывается едва ли не самой маленькой (меньше было только в 1995 г.) за весь почти 60-летний период с 1959 г. (рис. 1)

Рисунок 1. «Недостающее число мужчин» в России, рассчитанное по формуле авторов «Доклада о развитии человеческого потенциала в странах Европы и СНГ», 1959-2018 гг., тыс.

Что же, на самом деле, происходило в России на протяжении первого постсоветского десятилетия с населением России и главными формирующими его демографическими процессами – смертностью, рождаемостью и миграцией?

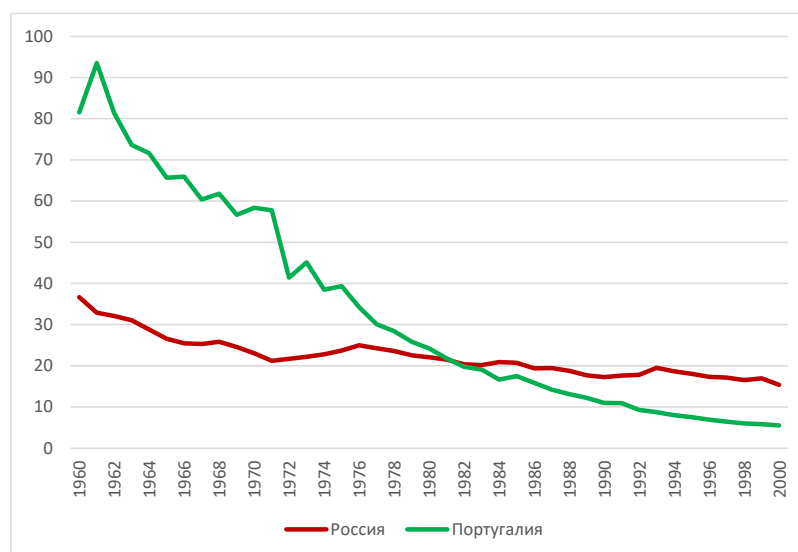
¹ Доклад о развитии человеческого потенциала в странах Европы и СНГ. UNDP, М., 1999, с. 47.

1.2 ВСПЛЕСК СМЕРТНОСТИ

Долговременный кризис смертности. В 1978 г. французский историк и социолог Эммануэль Тодд, размышляя о перспективах советской системы, пришел к выводу, что эта система близка к распаду и что наиболее верным признаком недалекого краха служат тенденции смертности в СССР. «Надежную основу анализа советского кризиса, возможность продемонстрировать абсолютно регрессивную эволюцию системы, по крайней мере, с начала 70-х годов, я нашел в области демографии... Анализ существующих данных позволяет с уверенностью сделать вывод о первостепенной роли конкретных факторов смертности в формировании советской демографической аномалии. Можно предложить афоризм, характеризующий всю социальную систему с помощью одной формулы: «Скажи, как умирают твои граждане, и я скажу, кто ты»². «Невозможно предвидеть, в какой форме выразится советский кризис и выльется или нет разложение, характерное сейчас для этой системы, во всеобщий спазм — реформистский, революционный или военный. Но мы уже можем констатировать первое проявление кризиса — санитарный регресс и рост насильственной смертности... Распад первой из коммунистических систем уже начался»³. Выводы Тодда оказались пророческими.

В самом деле, начиная примерно с середины 1960-х годов, Россия переживала то, что нельзя назвать иначе, чем «кризис смертности».

Если говорить о младенческой смертности, о которой писал Тодд, то поразительно сравнение России с Португалией — едва ли не самой бедной западноевропейской страной. В начале 60-х годов она более, чем вдвое уступала России, в начале 80-х она догнала и перегнала Россию, которая с 1970 г. топталась на месте (рис. 2).

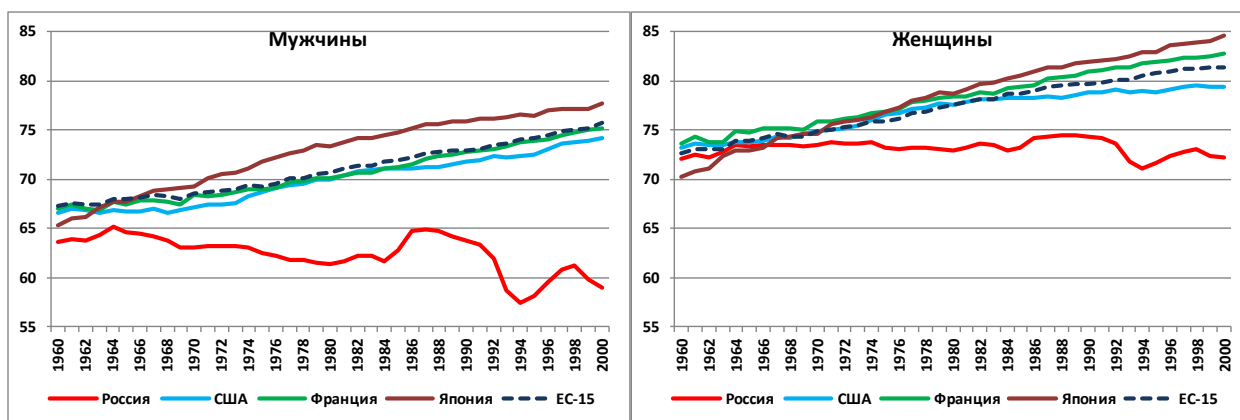
Рисунок 2. Младенческая смертность в России и Португалии, 1960-2000 гг., число умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся

Но дело было, конечно, не только в младенческой смертности, не снижалась и даже росла смертность практически во всех возрастах, продолжительность жизни падала, а отставание России по этому показателю от всех развитых стран непрерывно увеличивалось. Советская система здравоохранения, да и вся социальная система «социализма» оказались неготовыми сформировать те механизмы снижения смертности, какие осваивали в это время развитые страны с рыночной экономикой. Отсюда — нарастающее на глазах отставание по продолжительности жизни — за два десятилетия

² Todd E. La chute finale. Robert Laffont, 1976, p. 327.

³ Ibid., p. 333.

между серединой 60-х и серединой 80-х годов отставание выросло у мужчин с 2-4 до 8-12 лет, у женщин – от 1-2 лет (а в ряде случаев его и вовсе не было, и Россия даже опережала некоторые страны) – до 5-7 лет (рис. 3). Более поздняя интерпретация этого отставания подчеркивает, что рост количественного разрыва стал следствием неспособности реализовать осуществившиеся на Западе качественные перемены, которые обобщенно можно назвать «второй эпидемиологической революцией»⁴.

Рисунок 3. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России, Евросоюзе (до его расширения), США, Франции и Японии, 1960-2000 гг., лет

Не удивительно, что при столь явной беспомощности в освоении открывшихся перед всеми развитыми странами новых возможностей охраны здоровья и жизни людей, Россия, как и другие республики СССР, не смогла создать «подушку безопасности», способную демпфировать негативное влияние на здоровье населения экономического и политического кризиса, что и стало ясно, когда этот кризис разразился. Отставание России к концу 90-х годов стало заметно большим, чем было к началу этого десятилетия.

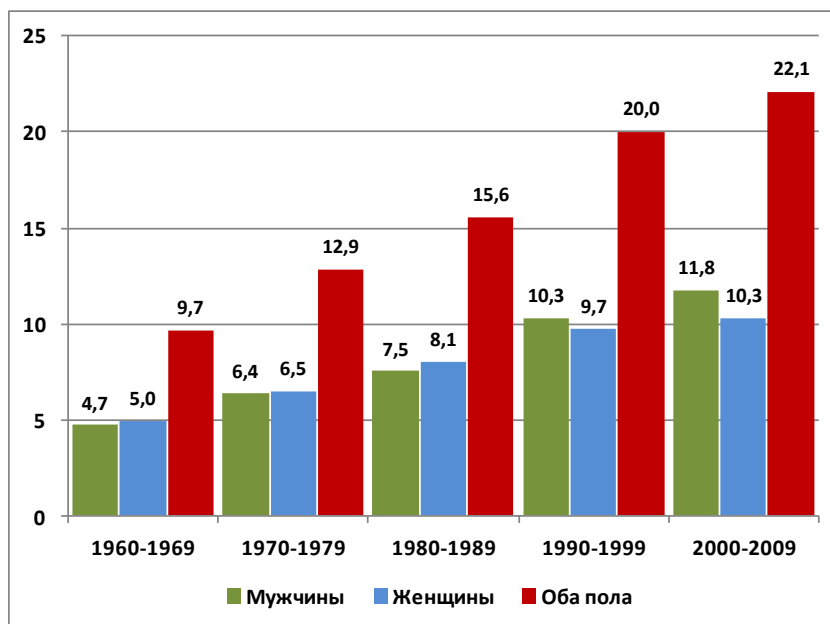
В то же время негативное влияние общего кризиса на здоровье и смертность было далеко не столь значительным, каким его иногда представляют, стремясь опорочить «лихие девяностые» и одновременно реабилитировать отсталое советское здравоохранение. Мифология «лихих девяностых» неизменно включает в себя тезис о том, что эти годы были периодом необыкновенного подъема смертности в России, который, в свою очередь, связывают с ошибочной экономической и социальной политикой Бориса Ельцина и рассматривают как плату за неверно проводившиеся реформы. Как мы уже видели на примере «недостающего числа мужчин», эта точка зрения распространена не только в политически ангажированной, но и в, казалось бы, нейтральной академической литературе.

Попытаемся понять, что действительно происходило со смертностью в это время.

Рост числа смертей в 90-е годы. Начнем с простейшего показателя — абсолютного числа смертей. Когда население увеличивается и одновременно стареет, рост

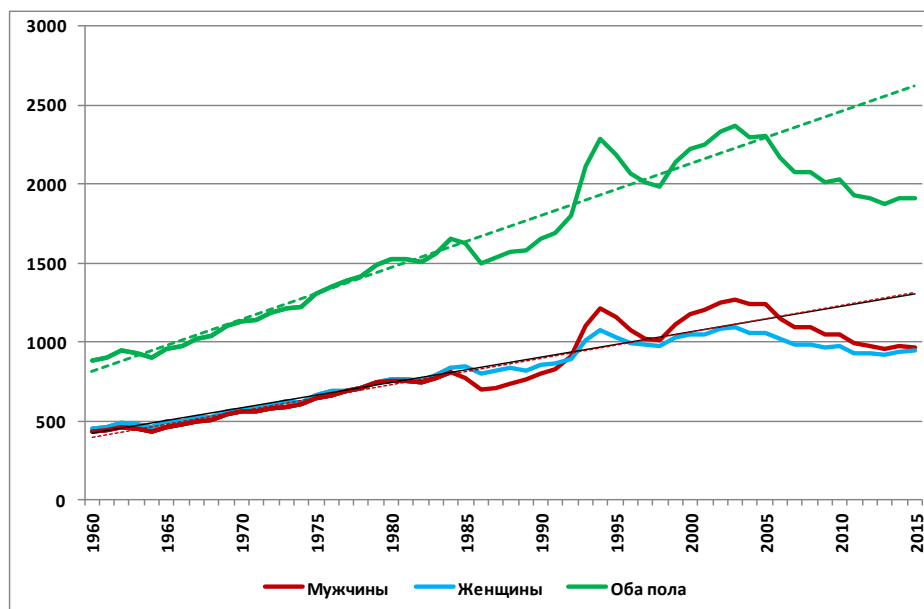
4 Под «второй эпидемиологической революцией» автор понимает революционные изменения, произошедшие в большинстве развитых стран, выразившиеся в резком расширении контроля над неинфекционными причинами смерти, в частности, над заболеваниями системы кровообращения, новообразованиями, другими внешними причинами. Следствием этих изменений стало быстрое оттеснение смертей от этих причин к старшим возрастам, увеличение среднего возраста смерти от них, в конечном счете, значительный рост ожидаемой продолжительности жизни. Между тем Россия, в основном, осталась в стороне от этих изменений и не смогла обеспечить должного роста контроля над неинфекционными причинами смерти. Подробнее см.: Вишневецкий А.Г. Смертность в России: несостоявшаяся вторая эпидемиологическая революция. // Демографическое обозрение, 2014, т. 1, № 4, с. 5-40. (Примеч.ред.)

числа смертей неизбежен. Он и происходил в России на протяжении последних десятилетий XX в., но в 90-е годы он был особенно большим (рис. 4). На протяжении этого десятилетия Россия пережила два необычных подъема числа смертей.

Рисунок 4. Число умерших в России по десятилетиям, 1960-2010 гг., млн.

Первый из них начался еще в 1988 г. после резкого спада числа смертей в первые годы антиалкогольной кампании и закончился в 1994 г., когда она была уже полностью забыта. На графике (рис. 5) ясно видны нисходящая и восходящая волны колебания числа смертей между 1985 и 1994 гг., и нет сомнения, что эти волны связаны между собой, рост числа смертей после 1988 г. был в той или иной степени обусловлен его предыдущим сокращением.

Рисунок 5. Фактическое число смертей в России в 1960-2000 гг. и линейный тренд 1960-1984 гг. (пунктир)

Подъемы и спады числа смертей в 90-е годы взаимно компенсировались лишь частично, итоговый баланс был неблагоприятным. Общий рост числа смертей превышал

их сокращение, что обернулось существенным демографическим уроном. Оценить этот урон не так просто, в частности, потому что оценка зависит от методологии оценки и от того, какой уровень смертности принят за базу для сравнения.

Ниже приводятся оценки, полученные на основе двух вариантов расчета. В первом случае фактическое общее число смертей в России за 1991-2000 гг. сравнивается с тем его числом, которое могло бы быть, если бы на протяжении всего этого десятилетия сохранялись возрастные коэффициенты смертности 1987 г. — лучшие за весь советский период, достигнутые на пике антиалкогольной кампании. Во втором случае в качестве базы для сравнения принимается гипотетическое число смертей, возможное при годовых возрастных коэффициентах смертности, наблюдавшихся в 1975-1984 гг. (последнее десятилетие «развитого социализма»). Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1. Оценка избыточного числа смертей за 1991-2000 гг., млн

	Число смертей				
	Фактическое	Гипотетическое при неизменных возрастных коэффициентах смертности 1987 г.	Разница (избыточное число смертей)	Гипотетическое при возрастных коэффициентах смертности 1975-1984 гг.	Разница (избыточное число смертей)
Мужчины	10,6	8,0	2,6	9,3	1,3
Женщины	9,9	9,0	0,9	9,3	0,6
Оба пола	20,5	17,0	3,5	18,6	2,0

Полученные оценки избыточного числа смертей заметно расходятся между собой, первая представляется менее правдоподобной, т.к. отталкивается от исключительных, недолго продержавшихся показателей. Но в любом случае очевидно, что два подъема смертности в 90-е годы отозвались миллионами дополнительных смертей.

Вместе с тем нельзя не сказать, что, вследствие колебательного характера изменений смертности в конце 80-х – начале 90-х годов, рост числа смертей в первой половине 90-х не был чистым проигрышем. У всех поколений взрослого населения, живших в 80-е – 90-е годы, часть смертей сдвинулась со второй половины 80-х к середине и второй половине 90-х. В результате немалая часть людей, особенно мужчин, выиграла от этого колебания, прожила дольше, чем если бы все продолжало идти так, как шло до антиалкогольной кампании. Значительная часть смертей 80-х годов была «отложена» на 90-е, что сильно ухудшило показатели последнего десятилетия XX века. Но это произошло после того, как «выигрыш» был уже получен.

Выиграли не все поколения, жившие в 80-е – 90-е годы. Мужские поколения, родившиеся между 1945 и 1984 годами и женские, родившиеся между 1945 и 1974 годами, в сумме проиграли от этого колебания, у них число смертей оказалось большим, чем было бы при его отсутствии. Особенно большие в процентном отношении потери понесли мужчины, родившиеся между 1965 и 1985 годами, и женщины, родившиеся между 1965 и 1975 годами. Но для большей части как мужских, так и женских поколений, живших в это время, результат был иным. Они выиграли от колебания смертности, итоговое число смертей к исходу 1994 года у них оказалось меньшим, чем было бы, если бы все

продолжало идти, как шло⁵. Например, «в 1985-1994 годах умерло на 27760 больше мужчин из поколений 1945-1954 годов рождения, чем могло бы умереть, если бы никаких изменений не было. Но каждый из умерших, в среднем, прожил на 326 дней больше, чем прожил бы один «средний» умерший при отсутствии рассматриваемого колебания»⁶.

Последствия второго подъема числа смертей 90-х годов были иными. Если в первом подъеме важную, а, может быть, и основную роль сыграла реализация «отсроченных» смертей, что ухудшило показатели первой половины 90-х, то второй подъем произошел, скорее всего, за счет роста числа преждевременных смертей, что не могло не улучшить показатели последующего периода, когда этот подъем закончился.

Изменения ожидаемой продолжительности жизни. Двум резким подъемам числа смертей в 90-е годы соответствовали и два периода снижения ожидаемой продолжительности жизни. В табл. 2 представлены изменения ожидаемой продолжительности жизни с начала 1990-х годов до 2003 г. — последнего года, когда смертность росла, а ожидаемая продолжительность жизни снижалась.

Таблица 2. Ожидаемая продолжительность жизни в России в 1990-2003 гг., лет

	Мужчины			Женщины		
	В начале периода	В конце периода	Изменения за период	В начале периода	В конце периода	Изменения за период
1990-1994	63,96	57,59	-6,37	74,45	71,18	-3,27
1994-1998	57,59	61,30	3,71	71,18	72,93	1,75
1998-1999	61,30	59,93	-1,37	72,93	72,38	-0,55
1998-2003	61,30	58,53	-2,77	72,93	71,85	-1,08
1990-1999	63,96	59,93	-4,03	74,45	72,38	-2,07
1990-2003	63,96	58,53	-5,43	74,45	71,85	-2,60

Источники: Население России 2000. Восьмой ежегодный демографический доклад. Под ред. А.Г. Вишневого. М., Книжный дом «Университет», 2001, с. 96; Население России 2003-2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад. Под ред. А.Г. Вишневого. М., Наука, 2006, с.278.

Выполненный Е. М. Андреевым анализ таблиц смертности за интересующие нас годы, позволяет судить о вкладе в падение и рост продолжительности жизни — изменений смертности в разных возрастных группах и от разных групп причин смерти.

Смертность разных возрастно-половых групп населения России реагировала на изменения экономической и общественно-политической ситуации в стране по-разному, соответственно разным был и их вклад в изменения продолжительности жизни — и когда она падала, и когда она повышалась (табл. 3).

Таблица 3. Вклад изменений смертности разных возрастных групп в общее изменение продолжительность жизни в России в 1990-1999 гг., лет

Период	Изменение	в том числе за счет смертности в возрастах (лет)					
		0-14	15-29	30-44	45-59	60-74	75+
Мужчины							
1990-1994	-6,37	-0,12	-0,77	-1,96	-2,24	-1,17	-0,1

5 Демографическая модернизация России, 1900-2000. Под ред. А.Г. Вишневого. М., Новое издательство, 2006, с. 294.

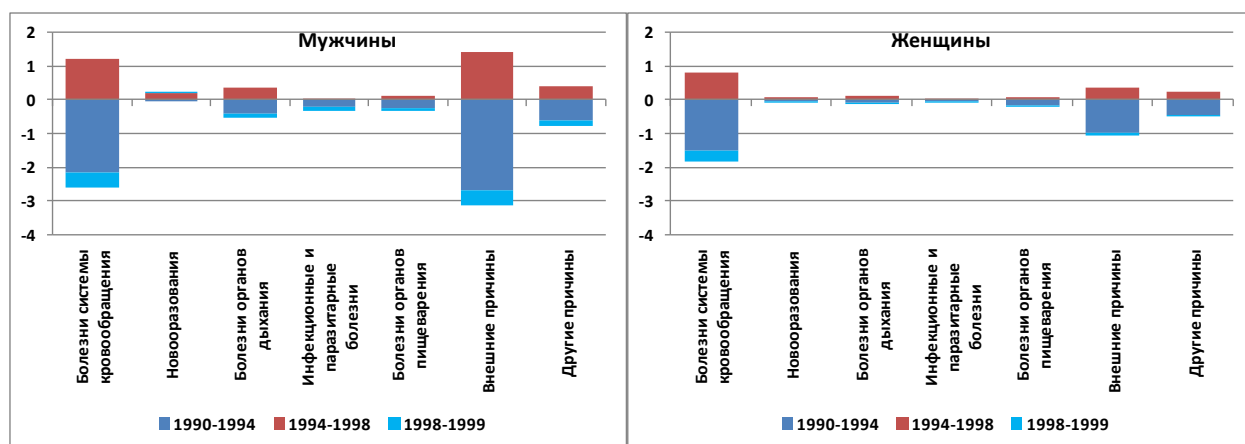
6 Там же, с. 295.

1994-1998	3,71	0,21	0,19	1,16	1,46	0,57	0,12
1998-1999	-1,37	-0,02	-0,23	-0,37	-0,48	-0,27	-0,01
Женщины							
1990-1994	-3,27	-0,15	-0,25	-0,66	-1,09	-0,86	-0,26
1994-1998	1,75	0,14	0,01	0,33	0,61	0,44	0,21
1998-1999	-0,55	-0,03	-0,04	-0,1	-0,15	-0,13	-0,11

Источник: Население России 2000..., с. 96.

Наиболее сильным оказалось влияние на продолжительность жизни изменений смертности мужчин в возрасте 30-44 года и особенно 45-59 лет, у женщин самый заметный вклад внесли возрастные группы 45-49 лет, в несколько меньшей степени – 50-54 года.

По-разному сказались происходившие в стране процессы и на смертности от разных причин смерти. Решающую роль и на этапах снижения продолжительности жизни, и на этапе ее роста сыграли изменения смертности от болезней системы кровообращения и от внешних причин (рис. 6).

Рисунок 6. Вклад изменений смертности от разных групп причин смерти в общее изменение продолжительность жизни в России в 1990-1999 гг., лет

Источник: Население России 2000..., с. 97.

Конечно, особая роль этих двух групп причин связана с тем, что они оказались весьма чувствительны к неблагоприятным воздействиям кризисных явлений в экономической и социальной жизни России 90-х годов. Но не следует забывать, что, судя по опыту других стран, роль этих причин была неоправданно высока и в предыдущие десятилетия, — свидетельство того, что Россия подошла к началу 90-х годов с относительно слабой системой защиты здоровья и жизни людей, не готовой к серьезным испытаниям.

Например, в условиях смертности 1990 г., т.е. до российского кризиса, шансы для новорожденного мальчика умереть от одной из внешних причин составляли 14 из 100 при среднем возрасте смерти от этих причин 43 года. Соответствующие показатели для Германии составляли 4,8 из 100 и 54 года; для Франции 9 из 100 и 58 лет; для Швеции 5,9 из 100 и 57 лет и т.д. Это лишь небольшая иллюстрация того, насколько слабее средний россиянин по сравнению с западным европейцем, был, защищен от риска ранней преждевременной смерти в обычных для России, не кризисных условиях. Столь слабая защищенность и дала о себе знать в условиях сложной и болезненной социально-экономической трансформации.

Причины и механизмы подъема смертности в 90-е годы. Результаты анализа падения ожидаемой продолжительности жизни как следствия изменений смертности разных возрастных групп и от разных причин смерти плохо вяжутся с наиболее распространенными объяснениями этого падения. Чаще всего его связывают с обнищанием населения, деградацией здравоохранения, ослаблением контроля над загрязнениями окружающей среды и т.п.

Если бы такие объяснения были верны, подъем смертности должен был, в первую очередь, затронуть самые уязвимые, физически слабые и социально не защищенные группы населения, чаще других нуждающиеся в услугах здравоохранения: маленьких детей и вообще детей, особенно в многодетных семьях, престарелых, инвалидов и т. п. В действительности же больше всего пострадали как раз не самые слабые и социально беззащитные группы. Младенческая смертность, пережив всплеск в 1993 г., в дальнейшем продолжала снижаться, сокращалась, правда, менее уверенно, и смертность детей до 5 лет. Решающий же вклад в снижение продолжительности жизни внес рост смертности самой сильной, жизнеспособной, реже всего обращающейся к врачу части населения, — мужчин в возрастах от 30 до 60 лет, в меньшей степени — женщин в возрасте от 30 до 75 лет.

При этом главными виновниками роста смертности оказались не болезни, связанные с ухудшением питания, жилищных условий, санитарного состояния среды обитания, ухода за больными и пр., а преднамеренные и непреднамеренные травмы и болезни системы кровообращения. И у мужчин, и у женщин оба названных класса причин обусловили свыше четырех пятых всего падения ожидаемой продолжительности жизни за время двух подъемов смертности в 90-е годы, причем у мужчин на первом месте стоят травмы, а у женщин — болезни системы кровообращения.

Все это заставляет предположить, что в повышении смертности проявился общий синдром адаптации россиян к новым, непривычным экономическим и социальным условиям. Его главными жертвами стали мужчины и женщины в рабочих возрастах, ибо на них легла главная тяжесть активного приспособления к новой жизни, главная ответственность за благополучие их семей, главная связанная с этим психологическая нагрузка. Когда первый шок миновал, острота стрессов ослабела, да и общая обстановка стала приобретать устойчивость. Растревоженная резкими потрясениями начала десятилетия жизнь страны постепенно входила в нормальную колею, вместе с тем приобретал свои прежние очертания и возрастно-причинный «профиль» смертности.

Природа и последствия второго подъема смертности в 90-е годы менее ясны. Несомненно, что этот подъем связан с последствиями финансового кризиса 1998 г. Однако уже исследователи, изучавшие эту связь «по горячим следам», обратили внимание на то, что рост числа смертей начался не сразу после «дефолта», а лишь весной следующего 1999 года, так что «финансовый крах августа 1998 г. сам по себе, возникшая в стране паника, скачок курса доллара, отставка правительства Кириенко, период политической нестабильности вряд ли [непосредственно] сказались на динамике смертности»⁷. Они же обратили внимание на то, что по росту стандартизованного коэффициента смертности мужчин, наиболее затронутых повышением смертности, Москва, где, как считается, последствия финансового кризиса должны были быть самыми сильными, занимала среди других регионов России лишь 14 место⁸. Видимо, историкам еще предстоит выяснить какие-то дополнительные тонкости событий 1999 г., которые обусловили рост числа смертей примерно с мая этого года [смена Примакова Степашиным на посту премьера].

---

7 Население России 2000, с. 92.

8 Там же.

Второй подъем смертности 90-х годов закончился в первой половине «нулевых». Ожидаемая продолжительность жизни и у мужчин, и у женщин начала расти только с 2004 г. – и лишь с этого времени можно говорить об окончании кризиса смертности 90-х годов. Но, к сожалению, это не дает оснований говорить о выходе из более общего кризиса смертности, длящегося с середины 1960-х годов, закончилось лишь его обострение, но не сам кризис.

В начале «перестройки», в 1986 г., можно было сокрушаться по поводу того, что у нас (речь шла об СССР) «средняя продолжительность жизни никак не достигнет 70 лет, тогда как в США и Франции она составляет 75 лет, в Японии — 77 лет»⁹. России для достижения этого рубежа понадобилось еще более четверти века, он был преодолен лишь в 2012 г., но только для обоих полов вместе. Продолжительности жизни российских мужчин до 70 еще довольно далеко и сейчас, хотя мужчинами в большинстве развитых стран этот рубеж взят давным-давно — например в США — в 1981 г., во Франции — в 1979, в Швеции — еще в 1952, в Японии — в 1971 г. Даже в 2018 г., когда во многих странах ожидаемая продолжительность жизни мужчин превышала 80 лет, в России она составляла всего 67,8 года. Сохраняется в России и архаичная структура причин смерти с неоправданно высоким вкладом смертей от болезней системы кровообращения в средних возрастах и огромным грузом смертей от внешних причин.

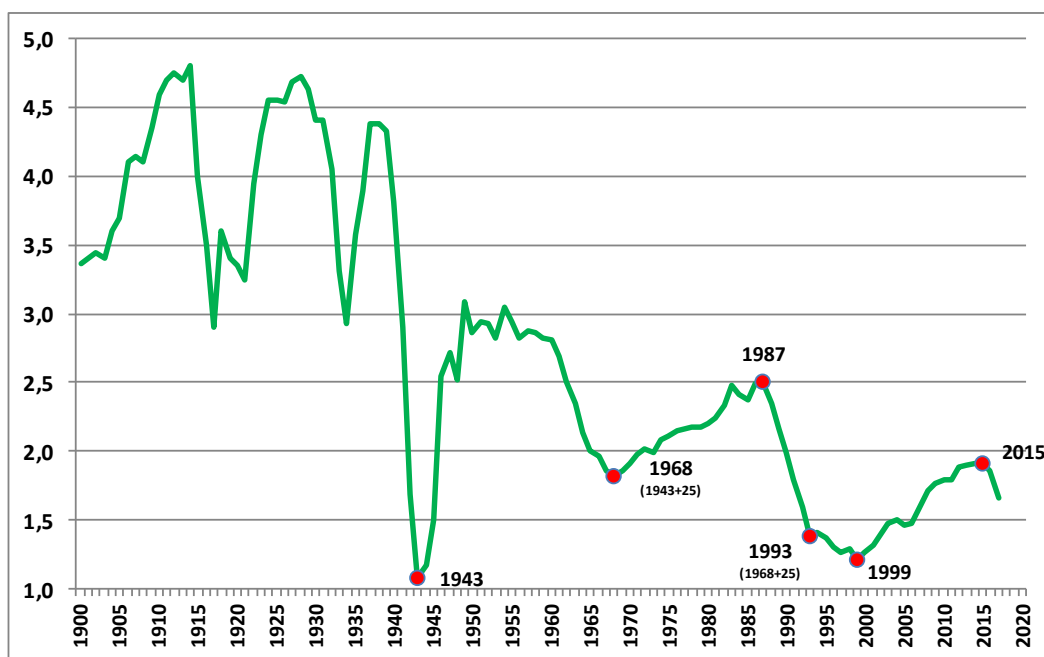
1.3 РОЖДАЕМОСТЬ: РАЗНОНАПРАВЛЕННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Падение числа рождений. 1990-е годы в России были периодом резкого падения числа рождений, с 1987 по 1999 г. оно сократилось на 1,3 млн и упало до небывалого в послевоенный период уровня. Это падение нередко интерпретируется в самых катастрофических тонах и также рассматривается как неоспоримое свидетельство остроты разразившегося в стране в 1990-е годы социально-экономического и демографического кризиса.

Между тем достаточно взглянуть на рис. 7, чтобы понять, что основная часть падения числа рождений в это время была запрограммирована событиями прошлых лет, прежде всего, «эхом войны». Правда, если бы это было только «эхо», то после каждого падения восходящая волна колебания должна была бы возвращать число рождений на прежний уровень, а этого не происходило, каждый новый пик колебания был ниже предыдущего. Кроме того, в 1993 г. можно было бы ожидать, что нисходящая волна запущенных войной колебаний числа рождений должна была смениться восходящей, и его нового роста. В действительности же, еще некоторое время сохранялось падение числа рождений, хотя и замедлившееся, рост начался только после 1999 г. Нельзя исключить, что эта «заминка» и в самом деле была обусловлена кризисными обстоятельствами 90-х годов, их влияние совместилось с эффектом нисходящей волны и усилило его. Но даже если это и так, влияние кризиса не было решающим фактором сокращения числа рождений.

---

9 Вишневский А.Г. Человеческий фактор в демографическом измерении. Коммунист, 1986, 17, с. 72.

Рисунок 7. Число рождений в России, млн человек (без Крыма)

Хотя абсолютное число рождений — важный показатель, анализ его динамики дает лишь самое поверхностное представление о том, что происходит с рождаемостью. Чтобы судить об этом, приходится использовать целую систему показателей, но даже и в этом случае оценить реальные тенденции рождаемости бывает непросто.

Падение коэффициента суммарной рождаемости. Политики, журналисты и даже многие демографы полагают, что наилучшим измерителем рождаемости служит так называемый коэффициент суммарной рождаемости. В действительности же этот показатель имеет ограниченные аналитические возможности и полезен лишь в тех случаях, когда сохраняет устойчивость возрастная модель рождаемости — так называемый «календарь» рождений, или распределение рождений по возрасту матери. Такая модель обычно весьма устойчива на протяжении длительных периодов времени, но на 1990-е годы пришелся период ее резких изменений в России. Это привело к тому, что использование изменений коэффициента суммарной рождаемости как характеристики действительно происходящих изменений, равно как ориентира демографической политики потеряло смысл. Нечто подобное произошло ранее в западных странах, что и привело западных исследователей к выводу о непригодности и даже вредности использования этого ориентира¹⁰, хотя в России он по-прежнему рассматривается как главный индикатор тенденций рождаемости¹¹. Именно анализ этого показателя приводит к ошибочному представлению об огромном падении рождаемости в 90-е годы.

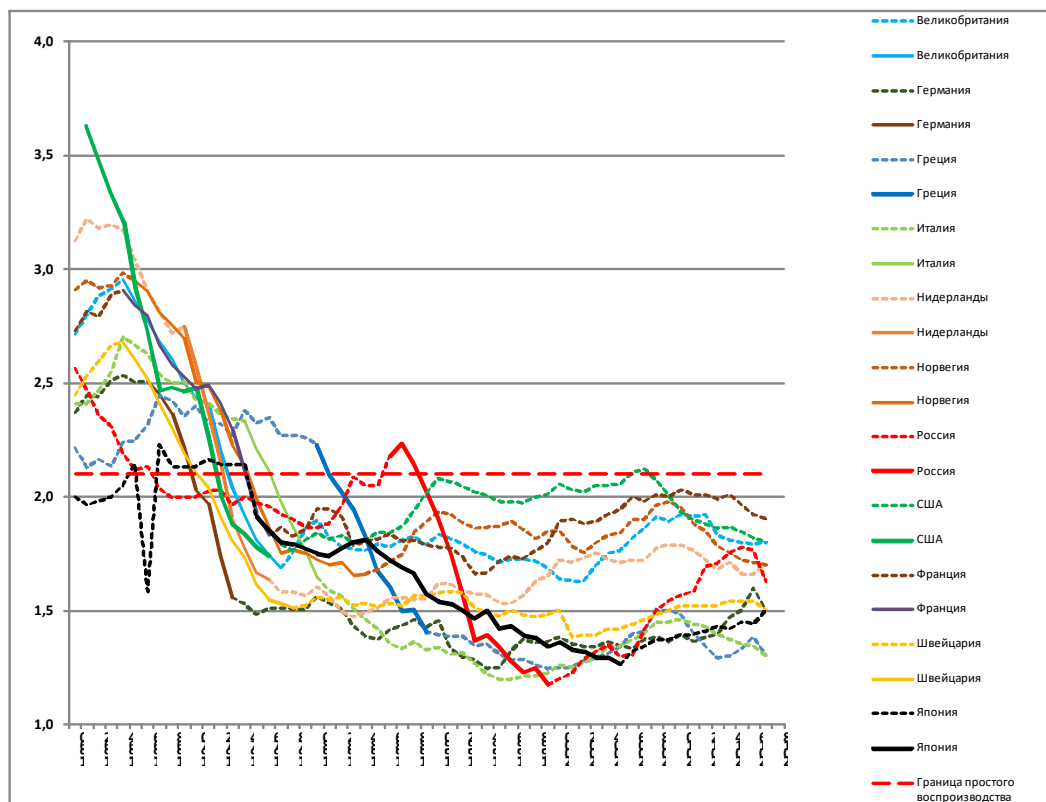
Коэффициент суммарной рождаемости в России, в результате кратковременного подъема рождаемости в 80-е годы достигший в 1987 г. максимального после 1963 г. значения (2,23), и в самом деле стремительно падал в 90-е годы, за 12 лет (1988-1999) он сократился почти вдвое — до 1,17. Это падение обычно интерпретировалось как плата за

¹⁰ Сobotка Т., Лутц В. Коэффициент суммарной рождаемости дает политикам дезориентирующие сигналы: не следует ли отказаться от использования этого показателя? Экономический журнал ВШЭ, 2011, №4:

¹¹ В частности, значение коэффициента суммарной рождаемости рассматривается как главный целевой показатель политики в области рождаемости в майских Указах Президента России 2012 и 2018 гг.

неудачные реформы и одно из наиболее очевидных проявлений общего кризиса 90-х годов.

Между тем, в таком стремительном падении не было ничего необычного, через него прошли практически все западные страны — намного раньше, чем Россия и вне всякой связи с какими-либо социально-экономическими пертурбациями или кризисами (рис. 8).

Рисунок 8. Крутое падение коэффициента суммарной рождаемости в некоторых странах, обусловленное перестройкой возрастной модели рождаемости, и его последующее полное или частичное восстановление (периоды падения выделены сплошной линией)

Источник: База данных Демоскопа Weekly.

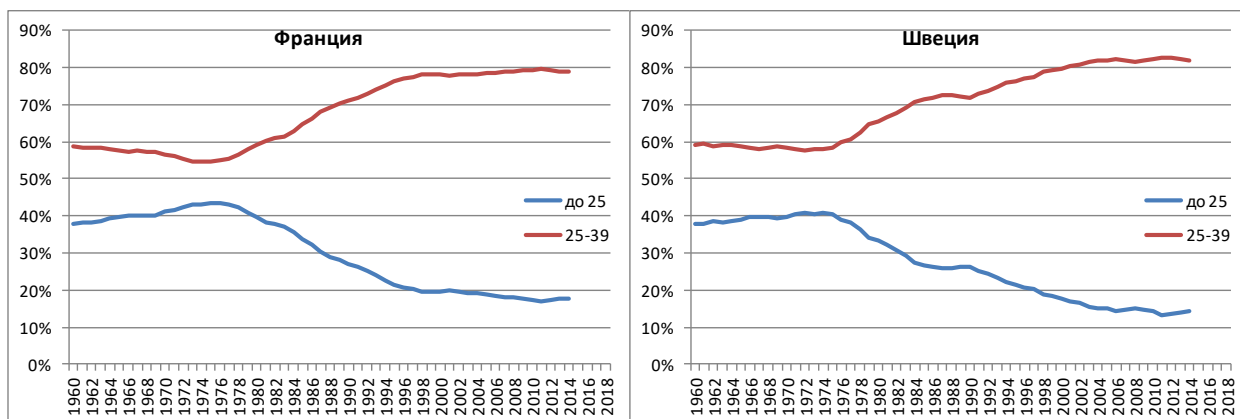
Через 12 лет, считая с 1987 г., т.е. с момента когда коэффициент суммарной рождаемости в России достиг пика и началось необычно быстрое падение этого показателя, его значение составило 0,53 первоначального уровня, в США (за те же 12 лет, но с 1961 г.) — 0,55, в Нидерландах (с 1969) и Финляндии (с 1961) — 0,58, в Германии (с 1966) и Швейцарии (с 1964) — 0,60, в Великобритании и Италии (с 1964 – 0,61), в Греции (с 1980) — 0,62, в Норвегии — (с 1965) — 0,63, в Бельгии (с 1964) — 0,64, во Франции (с 1964) — 0,66. Хотя порядок величин в России примерно такой же, как и других названных странах, падение в России — самое большое. Но следует иметь в виду, что исходная база в России (уровень 1987 г.) необычно высока, это следствие кратковременного всплеска рождаемости в конце 1980-х годов. Если бы этого всплеска не было, глубина падения коэффициента суммарной рождаемости ничем не отличалась бы от наблюдавшейся в западных странах.

Изменение возрастной модели рождаемости. Механизм внезапного временного ускорения падения коэффициента суммарной рождаемости везде одинаков и абсолютно понятен. Он имеет социальную, но не кризисную природу, связан с изменением

жизненной стратегии женщин и отражающей ее возрастной модели рождаемости. Годы наиболее высокой прокреативной активности сдвигаются к старшим возрастам, и так как это происходит очень быстро, отказ от рождения детей в более молодых возрастах — до 25, а отчасти и до 30 лет — резко снижает число рождений в тот период, когда первые когорты женщин, переходящих на новый календарь рождений, «пропускают» вчера еще привычные сроки рождения детей, с тем, чтобы родить их позднее. Проходит несколько таких «пустых» лет, после чего они рожают детей уже в соответствии с новой возрастной моделью, и коэффициент суммарной рождаемости повышается, хотя обычно не до того уровня, какой наблюдался до начала резкого падения.

Россия движется в том же направлении, что и другие страны, раньше нее прошедшие пик падения коэффициента суммарной рождаемости, связанного с трансформацией ее возрастной модели, после чего показатель снова стал повышаться и во многих из них достиг уровня 1,7-1,8 рождения на одну женщину (рис. 9).

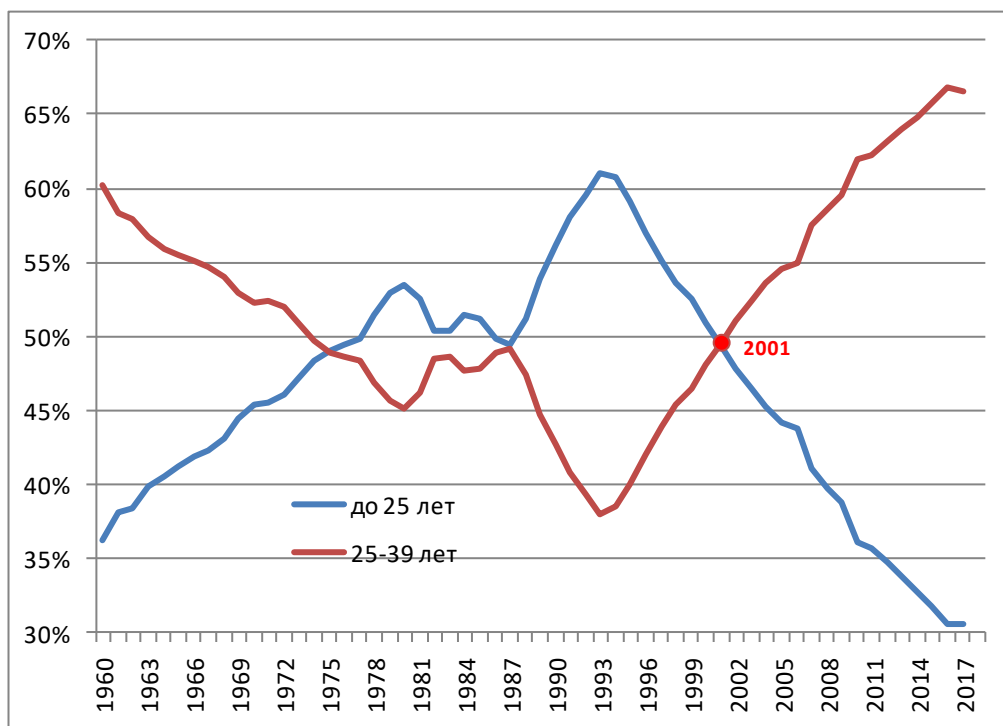
В странах Западной Европы смена возрастной модели рождаемости началась примерно в середине 1970-х годов, судя по всему, сейчас завершается, и новая модель стабилизируется (на рис. 9 переход к новой модели иллюстрируется на примере Франции и Швеции).

Рисунок 9. Переход на новый календарь рождений во Франции и в Швеции. Изменение вклада в суммарную рождаемость матерей в возрастах до 25 и 25-39 лет

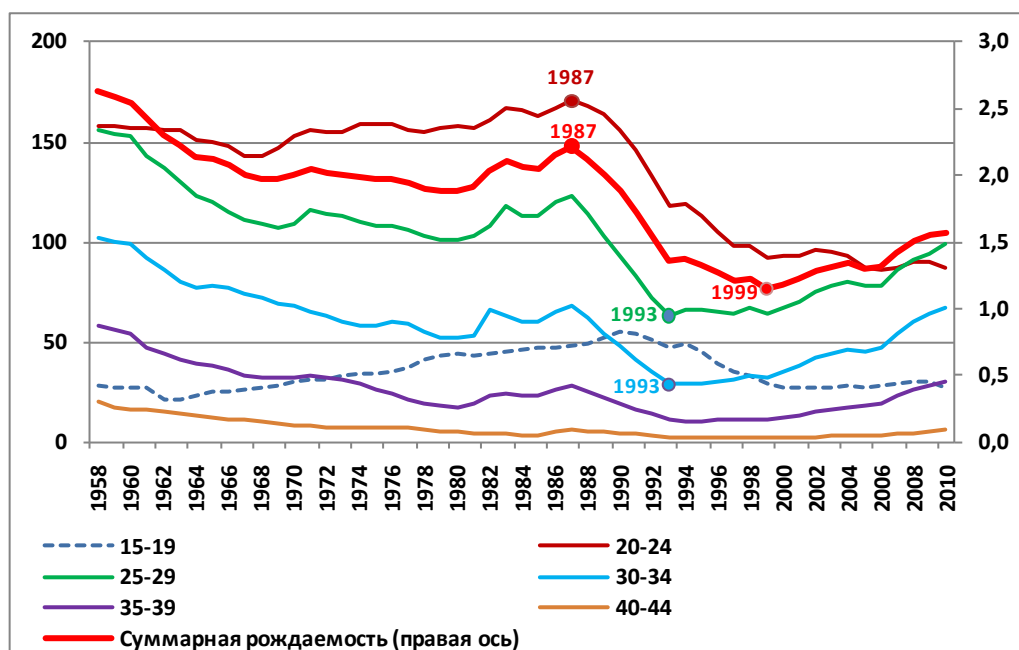
В России события развивались по-иному. В 1960 г. российская возрастная модель рождаемости мало отличалась от французской или шведской, но затем доля рождений в младших материнских возрастах стала быстро расти, а в старших — столь же быстро падать. К 1980 г., когда доля рождений у молодых матерей во Франции упала до 40%, а в Швеции – до 33%, и в обеих этих странах она продолжала снижаться, в России же, напротив, эта доля повысилась до 53%. Между тем традиционная высокая ранняя рождаемость все меньше соответствовала образу жизни современной городской женщины, в том числе и российской, и, хотя в России, в отличие от Западной Европы, современные возможности регулирования рождаемости в то время были весьма ограниченными, поворот к новой возрастной модели начался и здесь. Сопровождавшее такой поворот снижение «поперечных» показателей рождаемости вызвало панику у российских демографов и у руководства страны, и были предприняты срочные меры по поощрению рождаемости, которые затормозили падение этих показателей и одновременно перестройку возрастной модели рождаемости, и даже на какое-то время повернули тенденцию «постарения» рождаемости вспять. Однако долго это продолжаться не могло, и когда в начале 90-х отпали многие традиционные табу, и в то же время

российские женщины получили более широкий доступ к современным методам регулирования рождаемости, трансформация ее возрастной модели возобновилась и приобрела необратимый характер (рис. 10). Мы видели, что в период такой трансформации страна неизбежно проходит через период резкого падения «поперечных» показателей, в том числе и коэффициента суммарной рождаемости, это произошло и в России.

Рисунок 10. Переход на новый календарь рождений в России: вклад в суммарную рождаемость матерей в возрастах до 25 и 25-39 лет, 1960-2017 гг.

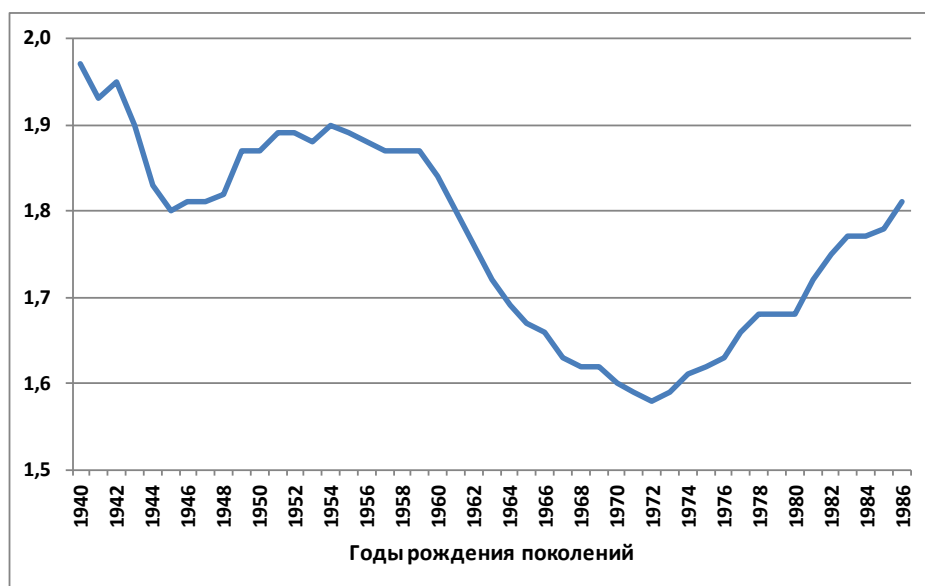
Рост коэффициента суммарной рождаемости в России, впервые с начала его падения в конце 80-х, был зафиксирован в 2000 г. Но этот рост был обусловлен повышением рождаемости у женщин в возрасте 25-29 лет и 30-34 года, а оно началось раньше и шло наряду с ее падением у более молодых женщин, уже с 1994 г. (рис. 12). В конце концов, ранняя рождаемость (до 25 лет) потеряла свои позиции безвозвратно. В 2008 г. женщины 20-24 лет, прежде вносившие наибольший вклад в суммарную рождаемость, впервые уступили первое место женщинам следующей возрастной группы (25-29 лет). Но еще до этого, в 2001 г., вклад в суммарную рождаемость женщин в возрасте до 25 лет стал меньше вклада женщин от 25 до 40 лет, и разрыв стал быстро увеличиваться (рис. 11). (Вклад женщин 40 лет и старше в 1980-е – 90-е годы не превышал 1-1,5%, сейчас он повышается до 2-3%, но все равно остается несущественным). Этот очень важный в социальном плане сдвиг был подготовлен изменениями, начавшимися в первой половине 90-х годов.

Рисунок 11. Возрастные коэффициенты рождаемости (на 1000 женщин соответствующего возраста) и коэффициент суммарной рождаемости (на 1 женщину), 1958-2010 гг.

Если сравнить российский график (рис. 9) с графиками для Франции или Швеции (рис. 10), то можно предположить, что перестройка возрастной модели рождаемости в России еще не завершена, но все же ее основной этап уже пройден, вследствие чего падение коэффициента суммарной рождаемости и сменилось его ростом, который, впрочем, судя по мировому опыту, в настоящее время имеет свои пределы.

На показателях рождаемости реальных поколений, т.е. истинных показателях рождаемости, сама по себе перестройка возрастной модели рождаемости может и не сказываться. Однако если такая перестройка совпадает с периодом социально-экономической турбулентности, это не может совсем не влиять на репродуктивную биографию женщин, переживающих этот период в наиболее важных, с точки зрения рождаемости, возрастах. Не удивительно поэтому, что в России у женских поколений, родившихся в 60-е — начале 70-х и находившихся в возрасте активной репродуктивной деятельности в начале 90-х, фиксируется заметное снижение итоговой рождаемости. Однако, по оценке С. В. Захарова, итоговая рождаемость более молодых женских когорт, начиная с поколений, родившихся во второй половине 70-х, чья репродуктивная деятельность пришлась в основном на вторую половину 90-х и последующие годы, насколько об этом позволяют судить уже реализованное этими поколениями число рождений, растет (рис. 12).

Рисунок 12. Итоговая рождаемость реальных женских поколений 1940-1986 годов рождения, детей на 1 женщину

Источник: Население России 2016. Двадцать четвертый ежегодный демографический доклад. Под ред. С.В.Захарова. М., Изд. дом Высшей школы экономики. 2018. С. 189.

Контрацептивная революция. Описанная выше перестройка возрастной модели рождаемости в России, развернувшаяся в 90-е годы, неразрывно связана с начавшимся в это же время фундаментальным социальным сдвигом, получившим название «контрацептивной революции»¹². Смысл этого сдвига заключается в том, что, благодаря появлению новых технологий, женщины и супружеские пары впервые в истории получили в свое распоряжение эффективные, надежные и безопасные методы предупреждения беременности, что небывало повысило управляемость процесса производства потомства.

Контрацептивная революция началась на Западе в 60-е - 70-е годы прошлого века после того, как новые технологии, разрабатывавшиеся не одно десятилетие, достигли необходимых стандартов надежности и безопасности. С 1960 г. получили повсеместное распространение противозачаточные таблетки на основе синтетических гормонов, и примерно тогда же началось широкое распространение внутриматочных противозачаточных средств, изготавливаемых из инертных пластических материалов.

Технологические нововведения, обусловившие контрацептивную революцию на Западе, до России дошли не скоро. В СССР крайне подозрительно относились к новым контрацептивным технологиям, позиция Минздрава СССР было противоречивой, а его политика — вялой и непоследовательной. Уже в 1970 г. в Москве прошел Симпозиум по гормональной контрацепции, в итоговых документах которого был отмечен высокий эффект гормональных контрацептивов. Но еще долгое время Минздрав рассылал информационные письма, в которых побочные эффекты использования гормональных

12 Westoff Ch., Ryder N.. The Contraceptive Revolution: Princeton University Press. 1977; Вишневский А., Денисов Б., Сакевич В. Контрацептивная революция в России. Демографическое обозрение, 2017, 4(1), с. 6-34. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i1.6986>,

противозачаточных средств настолько преувеличивались, что само их дальнейшее использование оказывалось под вопросом. Например, в информационном письме Минздрава в 1981 г. говорилось: «Трудно согласиться с мнением..., что положительные медицинские и социальные последствия применения оральных контрацептивов превышают их риск». Недоверие к современным методам планирования семьи не было преодолено в медицинской среде даже к началу 1990-х годов. «Сдерживающим фактором к распространению [гормональной контрацепции] ...является негативное отношение акушеров-гинекологов к применению гормональных таблеток», – констатировал Минздрав России в 1992 г., и это недоверие не могло не передаваться населению. Устойчивым было и безосновательное опасение властей по поводу того, что продвижение планирования семьи приведет к дальнейшему снижению рождаемости¹³.

Все это вело к тому, что основным методом внутрисемейного регулирования рождаемости оставался искусственный аборт, его распространенность была во много раз выше, чем в странах с сопоставимым уровнем рождаемости. До конца 1960-х годов в России фиксировалось свыше 250 аборт на 100 родившихся живыми, в 1970-е — 1980-е годы — свыше 200, причем этот уровень почти не снижался: в 1980 г. 208 на 100 родившихся, в 1990 г. — 206. В западных странах с примерно таким же уровнем рождаемости, что и в России, число аборт на 100 родов в 1990 г., как правило, не превышало 30: в Великобритании — 25, в Германии — 20, в Италии — 29, в Нидерландах — 15, в Норвегии — 26, в Швеции — 30, во Франции — 26, в Канаде — 23. В США показатель был чуть выше — 39 на 100, но он тоже несравним с российским.

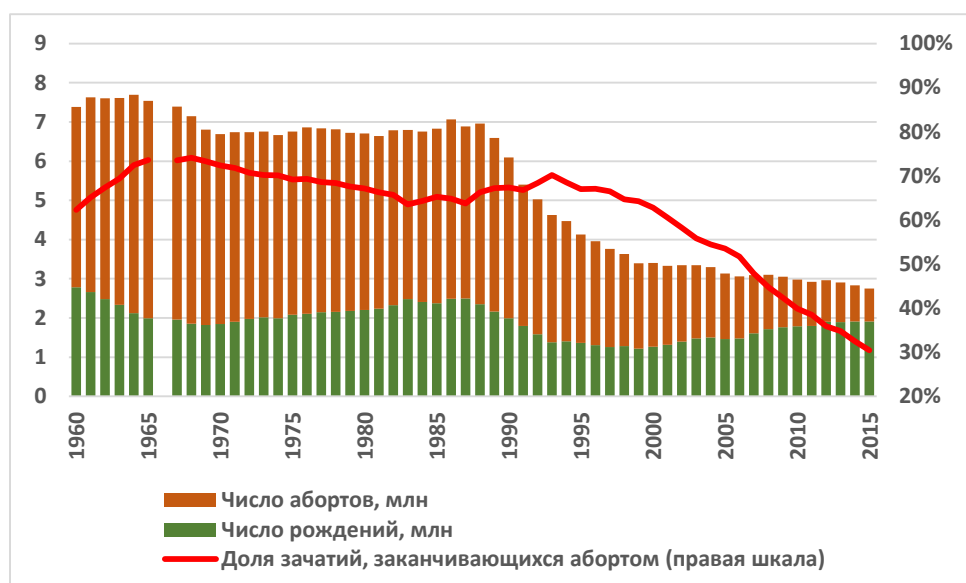
В начале 90-х годов распространенность аборт в России несколько повысилась — до 235 аборт на 100 родов в 1993 г. Но реакция общества на этот раз была иной. Уже в начале 1990-х была принята федеральная целевая программа «Планирование семьи», в 1994 г. она получила статус «президентской». В соответствующем Указе Президента была обозначена цель «снизить число аборт на 25—30 процентов от исходного уровня»¹⁴ [Указ Президента 1994].

Программа оказалась очень успешной. Число аборт, снижения которого не удавалось добиться несколько десятилетий, стало падать на глазах. Аборт все более определенно терял свою роль главного метода регулирования деторождения, уступая ее контрацепции. Обозначенная в Указе Президента цель снижения числа аборт на 25—30 процентов была достигнута очень быстро: в 2000 г. число аборт было на 30% ниже, чем в 1994 (а если вести отсчет от 1991 г., то 30-процентное снижение фиксировалось уже в 1997 г.). Но, что особенно важно, после 1993 г. началось неуклонное снижение доли зачатий, завершающихся аборт — неоспоримое свидетельство все более эффективного планирования семьи (рис. 13).

---

13 Вишнеvский А., Денисов Б., Сакевич В. Цит. соч., с. 15-17.

14 Указ Президента РФ №1696 от 18 августа 1994 г. «О президентской программе "Дети России"».

Рисунок 13. Число рождений, число аборт, и доля зачатий, заканчивающихся аборт, 1960-2015 гг.

Примечание: за число зачатий принята сумма родов и аборт.

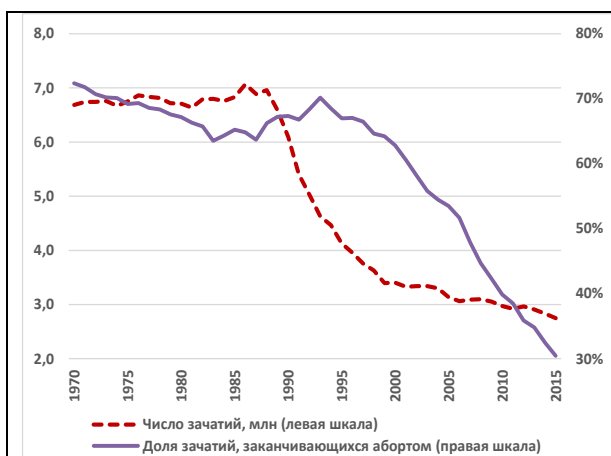
Эти успехи могли бы быть большими, если бы не обструкционистская позиция значительной части российской политической элиты. Как отмечал в конце 90-х годов главный акушер-гинеколог Минздрава РФ В. Н. Серов, снижение числа аборт «произошло не вдруг. Три года функционировала федеральная программа "Планирование семьи", рассчитанная, в первую очередь, на профилактику аборт. По стране было открыто 260 специальных центров: и крупных, областных, и совсем маленьких при районных женских консультациях. Через эти центры внедрялись все средства современной контрацепции: гормональной, внутриматочной, барьерной. Кроме того, центры ставили перед собой задачу консультировать бесплодные семьи, а также проводить сексуальное просвещение молодежи. Однако, несмотря на положительные результаты, два года назад эта программа была забракована Государственной Думой. Депутаты посчитали, что это геноцид русского народа»¹⁵. Позиция Государственной думы привела к значительному ослаблению бюджетной поддержки федеральной программы "Планирование семьи". Если на протяжении 1994-1996 годов она финансировалась в среднем на уровне 92 процента от запланированного, то в 1997 году из предусмотренных 41 миллиарда рублей было получено только 3,5 миллиарда¹⁶.

Тем не менее, как показало последующее развитие событий, российское общество, в отличие от Государственной Думы, приняло начавшуюся контрацептивную революцию, и остановить ее было уже невозможно. Доля зачатий, заканчивающихся аборт, быстро снижалась (рис. 14), но еще быстрее снижалось число зачатий, даже в тех случаях, когда число женщин репродуктивных возрастов, в том числе и самых активных, увеличивалось (Рис. 15). В 70-е – 80-е годы ежегодное число зачатий в России было близко к 7 млн, к концу 90-х оно упало до 3,4 млн и продолжало снижаться. В 2010 г. в России родилось 1,79 млн детей — столько же, сколько в 1991 г. Но общее число зачатий, реализовавшихся и не реализовавшихся в этих рожденьях, в первом случае составляло 5,4 млн, во втором — 3 млн. Иными словами, резко выросло число женщин и супружеских пар,

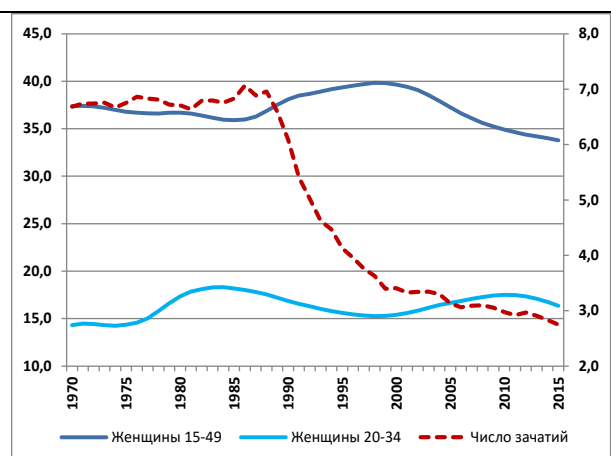
15 «Время МН». 24 августа 1999 г.

16 Здоровье женщин России. Информация Министерства здравоохранения РФ, с. 47-48.

которые принимают решение о рождении или не рождении ребенка до, а не после зачатия, при том, что общее число рождений может и не меняться.

Рисунок 14. Число зачатий и доля зачатий, заканчивающихся абортom, Россия

Рисунок 15. Число зачатий и число женщин в возрастах 15-49 и 20-34 года, млн, Россия

Рождаемость и воспроизводство населения. По мнению авторов уже упоминавшегося Доклада ПРООН, «наиболее очевидным свидетельством упадка человеческого развития является тенденция к снижению естественного прироста населения»¹⁷. Естественный прирост населения России не просто снижался, в 1992 г. он сошел на нет и сменился естественной убылью. В этом также часто видят одно из главных проявлений постсоветского демографического кризиса. В действительности же естественная убыль населения на многие годы вперед была запрограммирована именно в советское время, задолго до 90-х годов. Шок социально-экономических перемен после распада СССР мог на несколько лет приблизить ее появление, но не более того.

Уровень рождаемости в России не обеспечивает даже простого воспроизводства населения очень давно: в терминах реальных поколений — начиная с женских поколений, родившихся после 1910 г., в терминах условных поколений — со второй половины 1960-х годов¹⁸, когда нетто-коэффициент воспроизводства населения России опустился ниже 1 раньше, чем в других развитых странах. Тем не менее естественный прирост населения в России сохранялся вплоть до 1992 г. Эта кажущаяся парадоксальной ситуация имеет простое объяснение.

Естественный прирост — это разница между числами родившихся и умерших. Большинство смертей, по понятным причинам, приходится на людей старших возрастов, поэтому общее количество смертей во многом зависит от численности этой группы населения. До конца 1980-х годов пожилая часть населения России (60 лет и старше) состояла из воевавших поколений, огромная часть мужчин из этих поколений осталась на полях сражений, полегла в смутах первой половины российского XX века. Они уже не могли умереть, скажем, в 1980 г., когда у женщин смерти в возрасте 60 лет и старше составляли 78% всех женских смертей, а у мужчин — всего 47% мужских смертей. Потому-то и общее число смертей было сравнительно небольшим, даже при высоком

¹⁷ Доклад о развитии человеческого потенциала в странах Европы и СНГ. UNDP, М., 1999, с. 49.

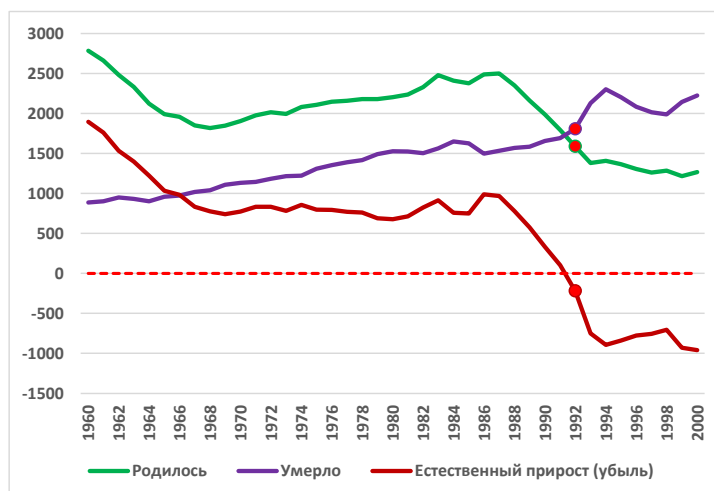
¹⁸ Демографическая модернизация России, с. 484.

уровне смертности их было меньше, чем рождений, а естественный прирост был положительным. Если бы не это, то «демографический крест» обозначился бы во всей своей красе лет за пятнадцать до того, когда это произошло на самом деле. Но «выручили» наши отцы и матери — ушли из жизни раньше. Кажущееся демографическое благополучие семидесятых-восьмидесятых годов было оплачено страшными провалами конца десятих-начала двадцатых, а затем тридцатых и сороковых. Так что на Ельцина неча пенять...»¹⁹.

В действительности, благополучие было только внешним, особенности возрастной структуры маскировали глубинное неблагополучие, но это не могло продолжаться бесконечно. С конца 1980-х годов 60-летний возрастной рубеж стали перешагивать первые не воевавшие поколения россиян, число пожилых людей, особенно мужчин, стало увеличиваться, что, при отсутствии снижения смертности, означало и рост абсолютного числа смертей. Правда, следует иметь в виду еще один провал прошлых лет — голод начала 1930-х годов. Родившиеся тогда малочисленные поколения достигли 60-летия в начале 1990-х, и это могло замедлить рост абсолютного числа смертей в старших возрастах. Тем не менее возрастные пропорции в этих возрастах постепенно выравнивались, с середины 90-х годов через 60-летний рубеж стали переходить относительно многочисленные поколения, родившиеся во второй половине 1930-х годов, и уже в силу этих подвижек число смертей также должно было увеличиваться. К этому добавились и два подъема смертности в 90-е годы, о которых говорилось выше.

Одновременно предсказуемо снижалось и количество родившихся. На 1993 г. приходилось завершение второго 25-летнего цикла запущенных Великой Отечественной войной колебаний чисел рождений, его прохождение через низшую точку колебания (если вести отсчет от 1943 г., когда число рождений в России было минимальным). К этому добавился описанный выше эффект изменения возрастной модели рождаемости, что затруднило смену нисходящей волны колебания его восходящей волной, это произошло только в 2000 г.

По мере увеличения числа смертей и снижения числа рождений эти числа сближались, привычное превышение числа смертей над числом рождений становилось все меньшим, пока, наконец, в 1992 г., число смертей не оказалось выше числа рождений. В результате естественный прирост населения России сменился его естественной убылью.

19 Вишневский А. Русский крест. Избранные демографические труды. М., Наука, 2005, т. 2, с. 191.

Рисунок 16. «Русский крест». Число родившихся, умерших и естественный прирост населения России, тыс. человек

Достаточно взглянуть на рис. 16, чтобы убедиться, что появление «демографического креста» никак не связано с событиями 90-х годов, к его появлению в самом начале этого десятилетия привели тенденции динамики чисел рождений и смертей, проявившиеся уже во второй половине 80-х на фоне быстрого улучшения демографических показателей. Это конъюнктурное улучшение действительно имело место, но оно продолжалось недолго и не могло изменить направления демографического развития, которое подспудно формировалось многие десятилетия и дало о себе знать в самый неподходящий момент, потому что в это время исчерпала себя инерция демографического роста, накопленная в искорёженной российской возрастной пирамиде.

Рождаемость и новая жизненная стратегия россиян. Какими бы ни были исторические формы и способы социальной организации человеческого общества, они всегда учитывают основополагающую функцию продолжения рода и обеспечивают ее нормативно-институциональное закрепление. Как бы ни строились индивидуальные жизненные стратегии людей, их массовое поведение отражает неустранимую необходимость продолжения человеческого рода, что закреплено в системе ценностей любого общества.

Современные женщины и мужчины меняют свою репродуктивную, а вместе с тем и всю жизненную стратегию не потому, что они отказываются от извечной ценности продолжения рода. Они делают это потому, что теперь оказывается возможным по-иному сочетать ее реализацию с реализацией многих других важных для современного человека ценностей — образования, экономической независимости, социального продвижения, высокой мобильности. Все это было мало доступно рядовому человеку при старом демографическом режиме, требовавшем от родителей — прежде всего, конечно, от женщины — непрерывного рождения детей с надеждой на то, что хотя бы некоторые из них выживут. В нынешних условиях выполнение родительской миссии не требует большого числа рождений, а небольшое их число можно с высокой степенью надежности планировать. Это и приводит к появлению нового жизненного «расписания», открывающего перед каждым человеком недоступные прежде возможности. Они были осознаны в западных странах в 70-е годы прошлого века, когда жители этих стран стали стихийно переходить на новый «семейный календарь»: рождение детей отодвигалось на более поздний возраст, а высвободившееся время использовалось для получения образования, достижения материального достатка, карьерного продвижения и т.п. Сама массовость и скорость этого никем не организованного перехода свидетельствует о преимуществах новой жизненной стратегии. В России же этот переход начался с запозданием на два десятилетия — в 90-е годы, что стало существенным вкладом этого периода в прогрессивную трансформацию российского общества.

Новая жизненная стратегия сказалась на всех сторонах личной и семейной биографии россиян. Исследователи отмечали, что примерно с середины 90-х в России стала уходить в прошлое традиционная модель ранней брачности²⁰, ослабевала роль формально зарегистрированного брака и увеличивалась доля «партнерств», быстро росла доля детей, родившихся вне зарегистрированного брака (между 1990 и 2000 гг. она

---

20 Население России 2003-2004, с. 222-223.

увеличилась практически вдвое — с 14,6% до 28%²¹), что не обязательно означало отсутствие фактического брака. Отношение ко всем этим изменениям может быть разным, но все они вписывались в логику «второго демографического перехода», начавшегося в западных странах несколькими десятилетиями ранее. Он привел к отказу от традиционного единого для всех шаблона выстраивания личной и семейной биографии и признанию равноценности разных ее вариантов. Одним из важных результатов этих перемен стало расширение свободы индивидуального выбора для женщин и укрепление гендерного равенства.

1.4 ВРЕМЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Миграция — третий основной демографический процесс, который претерпел огромные изменения после распада СССР и породил проблемы, наложившие отпечаток на всю обстановку в России первого постсоветского десятилетия. На примере миграции особенно хорошо видна «шарнирная» роль 90-х годов в истории страны.

Новая роль миграции. Описанные выше перемены в демографическом воспроизводстве во многих странах, переводящие его в режим с долговременной естественной убылью населения, не вписываются в привычные представления о том, что в обычных условиях замещение населения каждой страны должно происходить в результате взаимодействия рождаемости и смертности и не нуждается во внешних источниках пополнения населения.

Следует, однако, отдавать себе отчет в том, что эти верные теоретические представления могут стать неверными, если «обычные» условия, в силу тех или иных причин, становятся необычными. Именно это происходит во всемирных масштабах, начиная с середины XX в. Во второй половине XX в. огромное снижение смертности, начавшееся некогда в европейских странах, стремительно распространилось на всю планету. В результате вот уже не менее полувека большая часть населения мира, а значит, и мир в целом, переживают невиданный демографический взрыв. Приемлемым ответом на него может стать только снижение рождаемости. Социальные механизмы и технологии такого снижения вырабатывают и демонстрируют всему миру развитые страны, которые столкнулись с той же проблемой неконтролируемого роста населения намного раньше — она и сделала необходимым демографический переход.

При этом сами развитые страны в процессе перехода вынуждены были озаботиться другой проблемой — падением рождаемости ниже уровня простого замещения поколений и угрожающей им депопуляцией. Простейшим путем поддержания постоянной численности населения или даже ее роста оказалось обращение к миграционному источнику пополнения населения, легко доступному в условиях быстрого демографического роста в менее развитых странах. Все понимают, что прием значительного количества мигрантов связан с немалыми социальными и политическими издержками, он часто наталкивается на возражения и противодействие, тем не менее страны, как правило, полностью не отвергают этого пути. По-видимому, существует, пусть и не всегда отрефлексированное, осознание того, что именно этот путь — наиболее эффективный из всех возможных. По сути, использование миграции как

---

21 Там же, с. 256.

демографического ресурса — форма приспособления к объективно складывающейся ситуации, которую нельзя изменить.

Применительно к России это было осознано еще в советское время. Уже в 1981 г., выступая с основным докладом на XXVI съезде КПСС, Л. И. Брежнев жаловался на нехватку «трудовых ресурсов» в азиатской части России и напоминал о том, что «В Средней Азии, в ряде районов Кавказа, наоборот, есть избыток рабочей силы, особенно на селе. А значит, нужно активнее вовлекать население этих мест в освоение новых территорий страны»²². Но тогда такое «вовлечение» предполагало внутреннее перемещение и не отождествлялось с иммиграцией.

На протяжении не менее полувека с конца 1920 гг. миграция была одним из важнейших социальных процессов, переформатировавших население России, превращавших его из традиционного сельского в современное городское. Но это были внутренняя миграция, если говорить о России, то внутрироссийская или межреспубликанская — в рамках СССР. Соответственно к ней было приковано и внимание исследователей. Внешние же, межгосударственные миграции в советское время не имели сколько-нибудь серьезного значения.

В 90-е годы все изменилось. С одной стороны, к началу этого десятилетия активная фаза урбанизации в России была, в основном, пройдена, обусловленные ею массовые миграционные потоки потеряли свое былое значение. С другой же стороны, Россия вступила в новый этап демографического развития. «Завершился этап, на котором [Россия] была страной с относительно высоким естественным приростом населения и значительной эмиграцией, на новом этапе основным, если не единственным источником роста численности населения страны может быть только иммиграция»²³. Все это происходило на фоне распада СССР, и под эмиграцией, и под иммиграцией в приведенной выше цитате все еще понимается, в основном, миграционный обмен России с бывшими республиками СССР, который, если бы СССР не распался, трактовался бы как внутренний. Но важно то, что его движущие силы стали иными. «Речь идет о поворотном пункте в демографическом развитии России. Подобно многим другим развитым странам, она в обозримом будущем едва ли может рассчитывать на сохранение, а тем более увеличение своего демографического потенциала за счет естественного прироста, главным фактором демографической динамики становится миграция»²⁴. Это и продемонстрировали впервые 90-е годы.

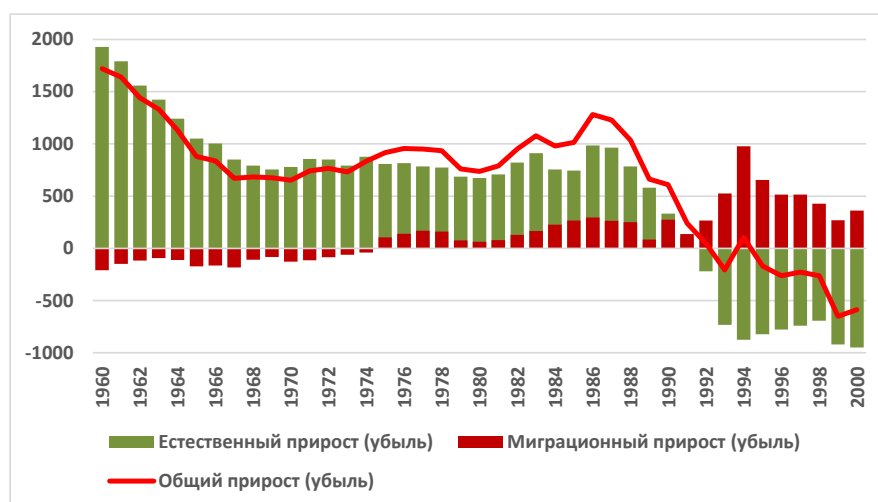
Начиная с 1992 г., когда впервые за весь послевоенный период в России была зафиксирована естественная убыль населения, по 1999 г. включительно она составила 5775 тыс. человек. Но общая численность населения сократилась всего на 1625 тыс., более чем на 70% естественная убыль была компенсирована миграционным приростом населения (рис. 17). Именно тогда Россия впервые ощутила роль миграции как демографического ресурса, и стало ясно, что эта роль сохранится надолго.

---

22 Отчет Центрального комитета КПСС XXVI съезду КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981, с. 54.

23 Население России 1995. Третий ежегодный демографический доклад. Под ред. А.Г. Вишневого. М., Центр демографии и экологии человека, 1996, с. 94.

24 Там же, с. 20.

Рисунок 17. Компоненты прироста населения России, тыс. человек

Источник: Демографический ежегодник России 2015. М. Росстат, 2015, табл. 1.2

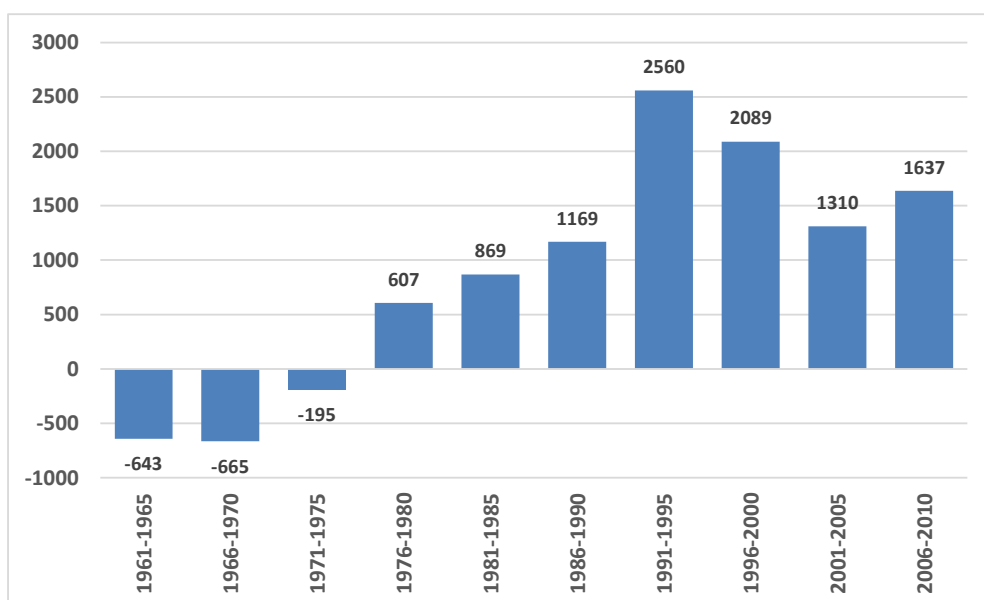
К этому следует добавить, что с начала 90-х годов отпали советские табу на миграционный обмен со всеми странами мира, находившимися за рубежами СССР.

В результате, в отличие от советского периода, в 90-е годы в центре российской миграционной проблематики оказалась внешняя миграция, складывающаяся, с одной стороны, из миграционного обмена России с другими бывшими республиками СССР («ближним зарубежьем»), а с другой — из почти отсутствовавшего в прошлом миграционного обмена между Россией и странами, находившимися за пределами бывшего Советского Союза («дальним зарубежьем»). Ситуация была новой, тем не менее оба названные вида миграции уходили своими корнями в недавнюю советскую, а отчасти и в более давнюю дореволюционную историю.

Иммиграция из «ближнего зарубежья» и миграционный прирост населения России. В 1990-е годы резко увеличился миграционный прирост населения России за счет притока населения из бывших республик СССР, его масштабы в это десятилетие были необычно большими, но сама по себе тенденция быстрого увеличения миграционного прироста не была новой, она сложилась в предшествовавшие десятилетия. Уже к 70-м годам XX в. многолетняя тенденция движения населения из русско-украинской европейской метрополии на восток и на юг стала иссякать, «максимальный его приток в республики пришелся на 60-е годы, когда этому способствовал низкий уровень жизни в селах центральных районов России, откуда в послевоенные годы и шел основной поток мигрантов, а также быстрый рост городов в республиках»²⁵. Одновременно набирал силу и процесс вытеснения пришлого населения из этих республик — вначале из Грузии и Азербайджана, а чуть позднее — из Средней Азии. В результате, во второй половине 70-х годов миграционная убыль населения России сменилась миграционным приростом, который быстро нарастал (рис. 18). За 16 лет (1975-1990) миграционный прирост населения России (порядка 2,7 млн. человек) сравнялся с миграционной убылью за предшествующие 20 лет (1955-1974). На этом фоне следует рассматривать и миграционный приток в 90-е годы: он оказался необычно большим, но все же вписывался в уже сложившуюся тенденцию.

²⁵ Население России 1993: 58.

Рисунок 18. Миграционный прирост (убыль) населения России, 1961-2010 гг., тыс. человек

Источники: Демографический ежегодник Российской Федерации 1993. М., Госкомстат России 1994. Табл. 1.2; Демографический ежегодник России 2015. М. Росстат, 2015, табл. 1.2

Надо также иметь в виду, что этот необычный прирост не означал роста интенсивности миграции в целом, он был обусловлен не столько увеличением притока мигрантов в Россию, как часто думают, сколько сокращением выезда из нее. Как отмечала Ж. А. Зайончковская, анализируя итоги переписи населения 2002 г., «если сравнить потоки прибывших в Россию за 13 лет в 1989-2002 и в 1975-1988 гг., то оказывается, что..., вопреки господствующему мнению, в предыдущем периоде поток был заметно большим — 13 млн. человек.... В отличие от потока прибывающих в Россию, который и количественно, и по географической ориентации не претерпел существенных изменений, поток выбывающих из нее резко сократился: за 1989-2002 гг. из России вышло 5,4 млн человек против 10,6 млн человек за 1975-1988 гг. Это и обусловило увеличение миграционного прироста населения России, для которой миграционный обмен стал более эффективным: миграционный прирост более чем удвоился, в то время как брутто-миграция на 30% сократилась»²⁶.

В общественном сознании миграционная ситуация в России 1990-х годов сильно мифологизирована. Эти годы нередко представляются как период небывалого миграционного нашествия, несущего разного рода угрозы России. При этом преувеличиваются масштабы иммиграции в Россию из бывших республик СССР и неверно оценивается ее состав.

В конце 90-х годов в общественном дискурсе широкое распространение получил взгляд на Россию как на один из главных мировых центров приёма мигрантов. «Россия стала крупнейшим центром миграции в Восточном полушарии и уступает по величине миграционных потоков только США»²⁷ — типичная газетная формулировка, отражающая такое представление об огромности обрушившихся на Россию миграционных потоков.

²⁶ Население России 2003-2004: 307-308.

²⁷ Россия — магнит для мигрантов. «НГ», 28 марта 2001. http://www.ng.ru/economics/2008-03-21/6_migranty.html

Это представление абсолютно ошибочно. Оно навеяно опубликованными оценками ООН и основанными на них оценками Всемирного Банка, согласно которым число проживающих в России мигрантов в 2010 г. составляло свыше 12 млн человек, что действительно ставит Россию по этому показателю на второе место после США (42,8 млн), на третьем месте была Германия – 10,8 млн²⁸. Буквальное толкование этих оценок без понимания их смысла и приводит к абсурдным выводам.

В действительности оценки ООН относятся к так называемому накопленному числу мигрантов (*migrant stock*), т.е. к общему числу людей, живущих не в той стране, в которой они родились. Привязка к месту рождения используется в качестве критерия при оценке числа мигрантов во всех странах, однако в случае бывшего СССР специально оговаривается, что речь идет о людях, которые до распада Союза были внутренними мигрантами и превратились в международных, никуда не выезжая, только в результате появления новых границ²⁹.

В случае постсоветской России — это все уроженцы других республик СССР. По оценке ООН, основанной на данных Всесоюзной переписи населения 1989 г., в 1990 г. в России их было 11,5 млн человек³⁰. Согласно переписи населения 2002 г. число лиц, живущих в России, но родившихся за ее пределами, составляло 12 млн³¹, что и дало основание для новой оценки ООН, не слишком отличавшейся от предыдущей. Из этих 12 млн человек 29,7% родились на Украине, 21,6% — в Казахстане и т.д., только 3,9% родились за пределами бывшего СССР³².

В число понимаемых таким образом мигрантов входили, например, живущие в России, но родившиеся в Казахстане дети целинников, дети военнослужащих, служивших в разных республиках Союза, чеченцы, ингуши и представители других репрессированных народов, родившиеся в депортации в Казахстане и Средней Азии, и т.д. В то же время, в «накопленное число мигрантов» не попадают люди, родившиеся в России, но выезжавшие из нее, жившие за ее пределами (те же военнослужащие, специалисты, ехавшие по назначению, и т.п.), а теперь вернувшиеся, хотя их действительно следовало бы классифицировать как мигрантов.

Характерной чертой миграционной ситуации в России 90-х годов было значительное число вынужденных миграций, обусловленных военными действиями, обострением криминогенной обстановки или разными формами дискриминации по этническому признаку. Уже накануне распада СССР в России появились мигранты, спасавшиеся от конфликтов в Закавказье и Средней Азии. В 90-е годы новые потоки перемещенных лиц стали следствием осетино-ингушского конфликта, и двух чеченских войн. В итоге, в этот период в России оказалось немало вынужденных различными обстоятельствами переселенцев как из бывших советских республик, так и внутри России (внутренние перемещенные лица).

---

28 Migration and remittances fact book 2011. 2nd Edition. The World Bank.

29 «Между 1980 и 1990 годами, по оценкам, число международных мигрантов увеличивается на 56 млн., - с 99 до 155 миллионов. Однако 27 млн из этого приращения обусловлено переклассификацией лиц, которые переезжали в СССР до 1990 г. в качестве внутренних мигрантов и которые стали международными мигрантами в момент распада, никуда не перемещаясь в это время». Trends in total migrant stock: The 2005 revision. UN Population Division. UN, 2006, p. 1.

30 Ibid., p. 3.

31 Всероссийская перепись населения 2002 года. Т. 10. Население по месту рождения и месту проживания на территории Российской Федерации.

32 Там же.

За 1992-2000 гг. в России было зарегистрировано 1570 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев, из которых 1332 тыс. — из бывших союзных республик. Максимальное число вновь зарегистрированных (323 тыс.) пришлось на 1993 г., затем оно постепенно убывало, часть зарегистрированных снималась с учета, но общее число зарегистрированных вынужденных мигрантов росло до 1998 г., когда оно достигло 1,2 млн, после чего стало сокращаться³³. Вынужденные мигранты составили примерно 30% всего миграционного прироста населения России за 1992-2000 гг.

По-видимому, помимо зарегистрированных мигрантов в 90-е годы в России имелось немало недокументированных («нелегальных») трудовых мигрантов, что могло влиять на экономическую и социальную обстановку в стране, на ситуацию на рынке труда и т.п. Но полноценное демографическое значение имеет только та часть миграционного притока, которая не просто пребывает в России и то или иное время присутствует на рынке труда (легально или нелегально), но оседает в стране и пополняет ее постоянное население, входит в состав ее граждан.

Этнический состав миграционного прироста. Согласно «миграционной мифологии» 1990-х, прочно укоренившейся в сознании россиян, в это десятилетие страна испытала миграционный натиск со стороны носителей языков, культурных и религиозных традиций, не свойственных населению Российской Федерации. О том, насколько эта мифология была оторвана от действительности, говорят, например, результаты выполненного в 2005 г. исследования оценок населением 7 субъектов РФ числа присутствующих в регионе представителей различных национальностей, ассоциирующихся с миграцией. Эти оценки сравнивались с данными переписи населения 2002 г. Исследование показало, что «в среднем, респонденты были склонны преувеличивать данные Госкомстата на два порядка (в 192 раза)»³⁴. И повсеместно «респонденты, как сговорившись, отвечали, что через 10 лет доля этих групп вырастет примерно в 1,5-1,8 раза, причем эти мнения оказались одними и теми же, вне зависимости от региона опроса, от того, какая группа оценивалась, от восприятия того, какую долю составляла какая-либо из этих групп в населении регионов во время опроса»³⁵.

На самом деле, по данным регулярного статистического учета, миграционный прирост населения России в 90-е годы почти на 80% был обеспечен притоком представителей коренных народов России, подавляющую часть которых составляли русские. Кроме того, свыше 10% миграционного прироста составили украинцы, белорусы, представители других народов, в основном обрусевшие, а также тоже «русские» немцы, возвращавшиеся из Казахстана, где они оказались в результате сталинской депортации (табл. 4). Даже если исходить из того, что какая-то часть миграционного притока не попала в учет, вследствие чего приведенные в таблице данные отражают этнический состав миграционного притока недостаточно точно, возможные искажения не могут быть столь значительными, чтобы существенно повлиять на общую картину.

---

33 Численность лиц, получивших статус беженцев и вынужденных переселенцев в России в 1992-2001 годах и состоящих на учете по состоянию на 01.01.2002. Демоскоп Weekly. Приложения. Демографические показатели по 15 новым независимым государствам http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ref_2001.php

34 Алексеев М. Восприятие масштабов миграции в России: этнорегиональные измерения и психология цифр. «Вестник общественного мнения», 2006, №4, с. 44-54.

35 Там же.

Таблица 4. Этнический состав миграционного прироста населения России в 1991-2000 гг., %

Этнический состав	Доля в миграционном приросте
Коренные народы России	78,6
в том числе:	
Русские	68,8
Татары	5,3
Осетины	1,1
Башкиры	0,8
Народности Дагестана	0,8
Другие коренные этносы России	1,9
Украинцы	5,2
Белорусы	0,2
Армяне	7,0
Азербайджанцы	2,0
Немцы	1,3
Другие и не указанные этносы	5,7
Всего	100,0

Адаптация иммигрантов в России. Хотя основная часть иммиграции в Россию в 90-е годы представляла собой, по существу, репатриацию ранее выехавших в республики бывшего СССР россиян или их потомков, адаптация репатриантов на исторической родине проходила далеко не просто. Для нее не существовало ни удовлетворительной законодательной базы, которая формировалась лишь постепенно, ни опыта применения соответствующих законодательных норм на местах, ни, что особенно важно, скольконибудь продуманной политики приема и использования репатриантов.

Вновь прибывшие постоянно сталкивались с трудностями при оформлении необходимых документов, с почти неразрешимыми проблемами решения жилищного вопроса, с невозможностью трудоустройства, соответствующего их прежнему профессиональному и социальному статусу. Репатрианты, в подавляющем большинстве городские жители, очень часто – жители республиканских столиц, как отмечалось в литературе того времени, были не просто русскоязычными, в основной своей массе они выгодно отличались от среднего россиянина по уровню образования, квалификации, отношению к труду, обладали очень высоким адаптационным потенциалом, который, однако, далеко не всегда удавалось реализовать.

Значительная часть «новых россиян» направлялась в сельскую местность, где они не могли найти применения своим знаниям и профессиональным навыкам. Но даже если они оказывались в городах, им приходилось менять профессию и даже сферу приложения труда. Это было связано «и с общим экономическим кризисом в стране, и со структурой безработицы, которая заметно коррелирует с профессионально-квалификационными показателями переселенческого потока, и с заложенной в федеральную миграционную программу идеологией преимущественной ориентации мигрантов на сельскую местность, и соотношением цен на рынках жилья и труда, вынуждающим людей выбирать для вселения не то место, где есть работа по специальности, а то, где можно получить хоть какую-то крышу над головой»³⁶.

Как ни странно, несмотря на то, что большинство иммигрантов этого периода были этническими русскими и русскоязычными, между ними и местным населением, как показывали исследования, нередко возникала культурная дистанция. Новые соседи «отказывались видеть в переселенцах русских, называя их «казахами», «киргизами» и т.п.».³⁷ У переселенцев появлялось чувство отверженности новым окружением и одновременно чувство отвержения их как «носителей более низкой культуры»³⁸. Иными словами, уже тогда интеграция мигрантов, даже этнокультурно близких, часто оказывалась достаточно болезненной. К сожалению, ключевая роль интеграции во всей миграционной проблематике не была в достаточной мере осмыслена в 90-е годы, когда Россия впервые осознала себя как страна, принимающая мигрантов. Уже тогда стали нарастать мигрантофобские настроения, которые заметно укрепились в последующее десятилетие, когда этнический состав мигрантов стал меняться и среди них увеличилась доля представителей народов, отделенных от россиян большей культурной дистанцией, чем это было в 90-е годы.

Эмиграция в «дальнее зарубежье»

Обмен населением с бывшими республиками СССР, хотя он и приобрел новые формы, не был для России чем-то новым. Этого нельзя сказать о миграционном взаимодействии России со странами, находящимися за границами бывшего Советского Союза. Возможности для него открылись только в 1991 г., когда Верховным Советом СССР был принят закон, известный как «закон о въезде и выезде», позволивший советским гражданам свободно выезжать за границу³⁹.

Как и в случае с «ближним зарубежьем», обмен со странами «дальнего зарубежья» был асимметричным — в первом случае явно преобладала иммиграция в Россию, во втором — эмиграция из нее. Число иммигрантов из-за пределов бывшего СССР в 90-е, как и в 80-е годы исчислялось сотнями человек. Число же эмигрантов, которое в первой половине 80-х годов колебалось в пределах 2,5—3,5 тыс., с 1987 г. стало быстро расти и в 1990 г. впервые превысило 100 тыс.

Оценить общее число эмигрировавших из России за 90-е годы довольно сложно, так как далеко не все выезжавшие на постоянное место жительства регистрировались

---

36 Филиппова Е. И. Адаптация русских вынужденных мигрантов из нового зарубежья. В кн.: Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение. Отв. ред. В.А. Тишков. М., 1997, с. 54.

37 Там же, с. 62.

38 Там же.

39 Закон СССР "О порядке выезда из Союза Советских Социалистических Республик и въезда в Союз Советских Социалистических Республик граждан СССР" от 20 мая 1991 года, N 2177-1.

статистикой, имеются значительные расхождения между соответствующей статистикой Госкомстата (число снявшихся с учета по месту жительства) и МВД (число получивших разрешение на выезд в эмиграцию). Существуют также значительные расхождения между российской статистикой эмиграции в те или иные страны и национальной статистикой иммиграции из России в эти страны⁴⁰. Оценки принимающих стран, как правило, существенно, часто в несколько раз, выше российских.

Тем не менее можно утверждать, что «эмиграционного взрыва», которого опасались в начале 90-х годов в западных странах, в России не произошло. По российским данным, ежегодное число эмигрантов в первой половине 90-х годов находилось на уровне 100 тыс., а затем стало сокращаться. В демографическом балансе России 90-х годов эмиграция не занимала большого места.

Характерной особенностью российской эмиграции 1990-х гг. была ее «этническая окрашенность», в начале этого десятилетия свыше двух третей всех эмигрантов составляли немцы и евреи, тогда как доля русских первоначально не достигала и четверти. Но постепенно потенциал «этнической» миграции сокращался. К концу 90-х доля этнических русских в потоке эмигрантов превысила 40% и продолжала расти, тогда как доля немцев и евреев сильно упала и продолжала сокращаться и в следующем десятилетии.

Всего за 1990-1999 гг. было учтено около 1 млн эмигрантов из России в «дальнее зарубежье». 94% из них выехали в 3 страны – Германию (571 тыс.), Израиль (256 тыс.) и США (112 тыс.)⁴¹. Впрочем, не исключено, что число выехавших из России было большим, как отмечалось выше, не все эмигранты были охвачены статистическим учетом.

1.5 ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИТОГИ 90-Х

С какими демографическими итогами Россия подошла к началу нового столетия?

Главным негативным итогом было сокращение численности населения России — несмотря на компенсирующий рост миграции оно сократилось со 148,6 млн человек в начале 1993 г. (максимальная численность, когда-либо достигнутая населением России) до 146,9 млн в начале 2000 г., т.е. на 1,7 млн человек.

В то же время нельзя не увидеть заметного улучшения российской возрастной пирамиды. В этом нет заслуги 90-х, просто уходили из жизни наиболее пострадавшие поколения, время постепенно залечивало раны первой половины XX в. Возникшие тогда колебания, с одной стороны, ослабели, а с другой, вошли в более благоприятную фазу, чем та, которая досталась 90-м годам. В начале 90-х угрожающе надвигался провал в самых важных репродуктивных возрастах — эхо падения рождаемости в военные годы, и одновременно в возрасты самой высокой смертности начинали вступать относительно многочисленные поколения, родившиеся в конце 20-х и в конце 30-х годов (рис. 19).

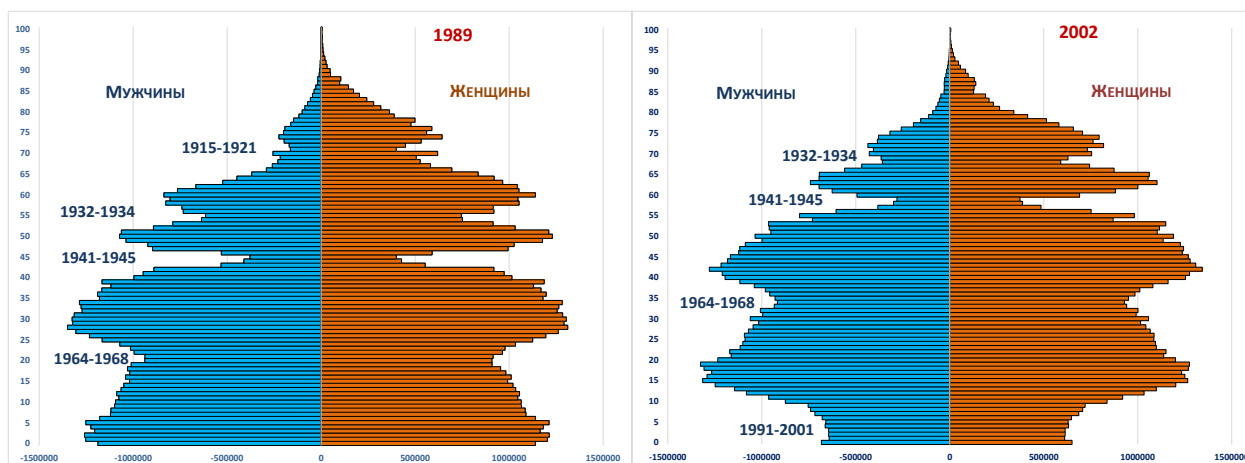
В начале 2000-х в репродуктивный возраст вступали относительно многочисленные поколения второй половины 80-х — отдаленный отзвук послевоенного подъема рождаемости, усиленный пронаталистской политикой 1980-х годов. В то же время в состав пожилого населения с наиболее высоким риском смерти начинали входить

---

40 Денисенко М. Эмиграция из России по данным зарубежной статистики // Демоскоп Weekly 2002 № 65-66 <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/065/tema01.php>

41 Российский демографический ежегодник 2000. М., Госкомстат России, с. 320-321.

малочисленные поколения военных лет рождения. Эти изменения заведомо способствовали улучшению демографических показателей. Что же касается провала в нижней части пирамиды, обусловленного падением числа рождений в 90-е годы, то он мог дать о себе знать лишь позднее, примерно в середине второго десятилетия XXI в. Но стартовые условия его первого десятилетия были неплохими, и можно было подумать о преодолении кризисной демографической ситуации 90-х.

Рисунок 19. Половозрастные пирамиды населения России по переписям населения 1989 и 2002 гг.

Но правильно ли были прочитаны уроки этого шарнирного десятилетия?

В 2006 г., выступая с президентским посланием Федеральному Собранию РФ и говоря «о самой острой проблеме современной России — о демографии», В. В. Путин сказал, что «для решения этой проблемы необходимо следующее. Первое — снижение смертности. Второе — эффективная миграционная политика. И третье — повышение рождаемости»⁴² [Послание 2006]. Такое распределением приоритетов совершенно верно отразило как остроту каждой из проблем, так и реальные возможности их решения.

Самой острой и запущенной задолго до 90-х была проблема смертности. Рассуждая теоретически, она же была и наиболее разрешимой, об этом свидетельствовал опыт многих стран. Остановка была за малым — надо было резко увеличить затраты на охрану здоровья и жизни россиян и реформировать систему здравоохранения, переориентировав ее на решение новых задач, как это было сделано в западных странах еще в 1960-е – 1970-годы. Но этого не произошло.

Еще в конце 80-х годов тогдашний министр здравоохранения СССР Е. И. Чазов отмечал, что «новая обстановка требовала новых научно-методических подходов, требовала перестройки здравоохранения еще в 50–60-е годы. Однако был упущен момент, когда от количественных показателей развития здравоохранения надо было осуществить качественный скачок на основе дополнительного финансирования, иного подхода к использованию ресурсов, к поиску новых форм и методов работы всех звеньев здравоохранения с включением материальных стимулов, наконец, с новыми подходами к подготовке кадров»⁴³.

Предоставим специалистам судить о том, насколько и в каком направлении была реформирована российская система здравоохранения, но если говорить о ее

42 Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 10 мая 2006 г.

43 Чазов Е.И. Доклад Министра здравоохранения СССР на Всесоюзном съезде врачей // «Медицинская газета», 1988, 10 октября.

финансировании, то необходимого перелома не произошло до сих пор. Обеспечение современного уровня здоровья и продолжительности жизни стоит дорого, богатые страны расходуют на здравоохранение 7—10% своего высокого ВВП (напр., в 2014 г. Италия — 7%, Великобритания — 7,6%, США — 8,3%, Япония — 8,6%, Германия — 8,7%, Франция — 9%, Швеция — 10%). А Россия, где ВВП на душу населения в 2014 г. был в полтора-два раза ниже, чем в названных странах⁴⁴, расходовала на охрану здоровья в 2014 г. 3,5%, в 1916 — 3,6% ВВП⁴⁵. Не удивительно поэтому и сохраняющееся огромное отставание от десятков стран по продолжительности жизни. Положение сегодня, конечно, лучше, чем в 90-е годы, но, как уже было сказано, если судить по результатам, то позади осталась лишь острая фаза кризиса, но не сам кризис.

На второе место Путин поставил миграционную политику. Если уроки 90-х в этой области и были учтены, то с немалым опозданием, когда ими уже нельзя было в полной мере воспользоваться. В июне 2006 г. Указом Президента РФ № 637 была утверждена «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». Это переселение рассматривалось в Программе как «одно из направлений решения демографической проблемы», которым «дополняется система мер, направленных на стабилизацию численности населения Российской Федерации»⁴⁶.

Проблема заключалась в том, что эта правильная Программа была принята тогда, когда основная волна переселений зарубежных соотечественников в Россию уже схлынула и их миграционный потенциал значительно уменьшился. В 1994 г. они обеспечили прирост населения России на 690 тыс. человек, в 2001 г. их вклад в прирост опустился ниже 100 тыс. В 1992 г. русские и представители других народов России составляли три четверти прибывающих в Россию иммигрантов (74,6%), к 2007 г. их доля упала ниже 45%⁴⁷. К этому времени большинство из тех, кто безусловно стремился возвратиться в Россию, уже сделали это. В бывших союзных республиках все еще оставалось немало соотечественников, однако их становилось все меньше, и существовало немало факторов, ограничивавших их переезд: родственные связи, достигнутый статус, преклонный возраст, состояние здоровья и т.п. Репатриационное движение продолжалось, но его масштабы неуклонно сокращались. Соответственно становился все более ограниченным вклад, который «соотечественники» могли внести в решение демографических проблем России, и возрастала роль инокультурных и иноязычных мигрантов. Это порождало свои проблемы, в решении которых положительный опыт 90-х годов был мало полезен, а отрицательный — безусловно вреден, т.к. он питал разрастающуюся мигрантофобию.

Наконец, на третье место среди главных демографических проблем В. В. Путин поставил проблему рождаемости. Впоследствии в официальном и общественном дискурсе эта проблема, без должных для того оснований, оттеснила две предыдущие и вышла на первое место, что отчасти также произошло в результате неправильного прочтения опыта 90-х годов.

Из всех неоднозначных перемен в личной и семейной жизни людей, действительно ускорившихся тогда и нередко благодетельных, было выделено и излишне драматизировано падение рождаемости. Поспешное отождествление тогдашнего

---

44 Российский статистический ежегодник. 2018. М., Росстат, с. 647.

45 Здравоохранение в России. 2017. М., Росстат, с. 156.

46 Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (утв. Указом Президента РФ от 22 июня 2006 г. N 637).

47 Демографический ежегодник России 2008.

снижения коэффициента суммарной рождаемости с ее якобы головокружительным падением, совпавшим к тому же с появлением естественной убыли населения страны, породило убежденность в необходимости срочного государственного вмешательства, которое, начиная с 2007 г., стало знаковым компонентом всей социальной политики государства.

Для российского политического истеблишмента, как, впрочем, и для широкого общественного мнения, характерно представление о том, что современная низкая рождаемость — следствие бедности, а повысить рождаемость можно с помощью материального вспомоществования. В результате тема повышения рождаемости объединяется с темой борьбы с бедностью, а главным направлением такой борьбы оказывается не повышение заработной платы или других доходов семей, не рост общего благосостояния, а ориентированное на семьи с детьми государственное благодеяние. Никакие аргументы — ни безуспешные попытки повысить рождаемость в намного более богатых странах, ни повсеместно (в том числе и в России) остающаяся низкой рождаемость даже у весьма обеспеченных слоев населения, ни отсутствие, как правило, сколько-нибудь выраженной «среднедетности» у самих яростных поборников высокой рождаемости — ничто не способно изменить широко распространенную веру в способность государства управлять уровнем рождаемости с помощью экономических рычагов.

Впрочем, это — достаточно лукавая вера. Когда дело доходит до практики, до конкретных ожиданий эффекта мер пронаталистской политики, то они оказываются очень скромными. Ежегодная естественная убыль населения, появившаяся в России в 1992 г. и достигшая в 2000 г. 950 тыс. человек, воспринимается как приговор 90-м годам, которым противопоставляются демографически более успешные предшествовавшие или последующие десятилетия. Однако даже в самых амбициозных планах на обозримое будущее не ставится цель повышения рождаемости до уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения России. В президентском Указе 2012 г. ставилась цель достижения коэффициента суммарной рождаемости 1,75. Эта цель была достигнута в 2015 г., но желаемый показатель продержался всего 3 года и снова стал падать. В новом Указе 2017 г. целевая планка была понижена до 1,70, но и она может оказаться недостижимой.

Предположим, однако, что обозначенные в указах значения коэффициента рождаемости были бы достигнуты, и выведем за скобки высказанные выше критические замечания по поводу небезупречности этого показателя с точки зрения анализа и прогноза. Разве этих значений достаточно для обеспечения расширенного воспроизводства населения, а значит, со временем, и его естественного прироста? Ведь для этого нужно, чтобы коэффициент суммарной рождаемости превысил 2,1 и чтобы это превышение сохранялось длительное время. А такая цель даже и не ставится, ее нереалистичность очевидна самым большим оптимистам. В 2015 г., наиболее успешном из трех лет, на протяжении которых удерживалось достигнутое на короткое время целевое значение коэффициента суммарной рождаемости на период до 2018 г. (1,78), чистый коэффициент воспроизводства населения России (0,847), самый высокий с 1991 г., был ниже, чем в 1979 г. когда он был минимальным (0,874) за весь послевоенный период до 1991 г.

Естественная убыль населения России действительно обозначилась впервые в 1992 г., но она — не результат 90-х годов, и свойственна не только России. Она наблюдается во всех странах Восточной Европы, а согласно среднему варианту новейшего прогноза ООН, к середине нынешнего века во всей Европе практически не останется стран, способных обеспечить положительный или хотя бы нулевой естественный прирост своего населения (исключения — Норвегия и Швеция), почти везде он будет

отрицательным на многие годы вперед⁴⁸. Здесь есть проблема, и очень серьезная. Но это — не проблема российских 1990-х годов.

---

48 UN Population Division. World Population Prospects 2019. Online Edition 2019. File POP/3.